

№ 4 (18), сентябрь 2017 Издание Вологодского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России»

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

Наша литература — наша гордость, лучшее, что создано нами как нацией. В ней — вся наша философия, в ней запечатлены великие порывы духа; в этом дивном, сказочно быстро построенном храме по сей день ярко горят умы великой красоты и силы, сердца святой чистоты — умы и сердца истинных художников.

М. Горький

Русская литература не должна опускаться до уровня общества в его сомнительных и тёмных проявлениях. В любых обстоятельствах, во что бы то ни стало, но литература не должна ни на шаг отступать от своей главной цели — возвысить общество до идеала — идеала добра, света и истины.

Н. А. Некрасов

Только одна литература неподвластна законам тления. Она одна не признаёт смерти.

М. Е. Салтыков-Щедрин

Литература должна стать оружием народа — грозным, как молния, и простым, как хлеб.

Ж. Амаду

Я пишу не чернилами, как другие; я пишу кровью моего сердца и соком моих нервов.

Берне

Литература — это храм, куда можно входить лишь с чистой совестью и благородными стремлениями.

С. Шаумян

Стих, как монету, чекань — Строго, отчетливо, честно, Правилу следуй упорно: Чтобы словам было тесно, Мыслям — просторно.

Н. А. Некрасов

Ольга ФОКИНА

К восьми утра пробьется солнце Сквозь восхитительный туман, И запотевшее оконце Поймает лучик, как в капкан. И луч не будет вырваться, И солнце в окна — целиком! ...И будет печь, топясь, стреляться Горячим на пол угольком. И буду я в горшке из глины Мутовкой тесто подбивать, И раскалённую калину Для пирогов с куста срывать. (В пирог и рыжики сгодятся, Их у меня — уже ведро! А всё, красавчики, родятся Промеж маслят,— куда с добром!) Куда с грибами, с пирогами, С брусничкой, клюквою — куда? Отец и мама в чёрной раме — Им ни к чему моя еда. Но — здесь они! Они меж теми, Кто Солнце, Звезды, Дождь, Туман, Кто на сентябрьский день рожденья Не опоздает, мною зван.

ОЛЬГЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ ФОКИНОЙ – ЮБИЛЕЙ!

Уважаемая Ольга Александровна!

Правление Союза писателей России поздравляет Вас, выдающегося русского поэта, с юбилейным днём рождения.

*Ничего из себя мы не строим,
В нашем теле обычная кровь.
Мы пришли из некрасовских «Троек»,
Из некошених блоковских рвов.*

В этих Ваших строчках пронзительное признание о главном Истоке лично Вашего творчества и творчества многих русских поэтов, Ваших современников и земляков... Этот Исток — русский народ, русская жизнь. И великая русская культура.

Ваш жизненный и творческий путь — это ответственное служение своей Родине, своему народу и русской поэзии. Время сегодня не очень поэтическое, но те, кто читал Ваши стихи в предыдущие десятилетия, и теперь ищут Ваши новые книги, новые публикации в журналах. Без Ваших стихов невозможно во всей полноте представить Русский Север.

Дорогая Ольга Александровна! Желаем Вам крепкого здоровья, исполнения творческих планов. Новых замыслов, новых книг!

**Председатель правления
Союза писателей России**

В. Н. Ганичев

Союз писателей Беларуси поздравляет с 80-летним юбилеем российскую поэтессу Ольгу Александровну ФОКИНУ, которая прославляет и Русский Север и обращается к Беларуси со своими стихами, с ярко выраженной дружбой между нашими народами, уверенно строящими Союзное государство.

Вологодская писательская организация взрастила яркие таланты, такие как Василий Белов, Николай Рубцов, Сергей Викулов, Сергей Орлов, Виктор Коротяев, Виктор Астафьев, воспевавшие Вологодские края и её людей — тружеников земли Вологодской.

В нашей писательской организации есть и земляки-вологоджане, имеющие свои заслуги перед Беларусью. Зодчие Беларуси — уроженцы Вологодчины — Г. Сысов,

С. Мусинский и Ю. Градов со своими проектами прославили Минск и Беларусь.

Мы поздравляем всех вологжан с юбилеем городов Вологды и Великого Устюга — ровесников Москвы, основанных в далеком 1147 году.

Минчане также в эти дни отмечают свой 950-летний юбилей города-героя Минска и 500 лет белорусского книгопечатания.

**Первый заместитель председателя
ОО «Союз писателей Беларуси»**

Е. Стельмах

Дорогая Ольга Александровна! Вологодские писатели сердечно поздравляют Вас с прекрасным юбилеем.

Мир Вашей поэзии возрос из родной деревенской русской жизни, и нравственные идеалы родной жизни бережет и удерживает. Потому любят Вашу поэзию и откликаются на нее многочисленные Ваши читатели.

Желаем Вам здоровья и долголетия. Поэзия Ваша необходима Отечеству.

Братья-писатели

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ. XXI ВЕК

Сергей ТИХОМИРОВ

ПРИТЯЖЕНИЕ МАЛОЙ РОДИНЫ

*Не стоит город без святого,
селение без праведника.
Народное поверье*

РАННЕЕ утро обычного сентябрьского дня. Солнце только-только зарождалось в небесах... День обещал быть спокойным и тихим.

Собираясь на работу, у меня был включен транзистор, работало радио. И мой слух приковала радиопередача. Передавали репортаж...

Начала передачи я не слышал. И осознанно её зачин я актуализировал с услышанным...

— Известно, что поэты существуют парами...— звучало из транзистора, зная, что в эти дни в Вологде должна была проводиться «Рубцовская осень», я обратил внимание на передаваемое, и, машинально, зацепился за остаток фразы, транслируемой по радио...

— Можно, конечно, это оспаривать, но куда, однако, денешься от насмерть друг с другом повязанных странными узами Пушкина и Лермонтова, Тютчева и Фета, Есенина и Маяковского, Цветаевой и Ахматовой,— говорили хорошо поставленным голосом из слышимой мной передачи.

Далее, для меня уже передача шла сама собой, а я собиравшийся на работу, слушая только фоном эту передачу.

В очередной раз я наслаждался рубцовской строкой, когда декламировали его стихотворение:

*Взбегу на холм
и упаду
в траву,
И древностью повеет вдруг из дала.
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву...*

Эта фраза для меня была ключевой, почему я обратил свой слух на передаваемое...

А думал я в тот момент над выступлением на Всероссийском съезде Союза краеведов России. Поэтому этот стих для меня оказался особенно актуальным. И я подумал...

Кажется, что малой родины всегда много...

Она привычна, относимся мы к ней, как-то походя, не замечая её скромного величия, любим очень тихо, а кто-то и вообще не любит. Для учителей, например, уроки краеведения, они лишние, и лучше этот отведённый час они потратят на изучение общего курса истории.

Но воспитательное значение от пройденного материала несравнимо...

Как-то мы к малой родине относимся непочтительно, брезгливо, как-то снисходительно...

«Чего у нас-то может быть интересно-го?»,— спросят у меня незатейливые, «ничемные» жители такого-то города...

Но когда приходит вопрос «где она?..» — ответить не можем...

Каков её образ, географические очертания?..

Какими словами можно выразить к ней своё отношение?..

Краеведение — слово народное, по своей сути, тёплое, как в детстве — пирожок матушки...

Оно обиходно, общеупотребительно. И у каждого творца — есть своё определение этого интересного загадочного слова...

И у Н. М. Карамзина, и у Д. С. Лихачева, и у С. О. Шмидта, и у В. М. Шукшина, и у П. А. Колесникова, и у В. И. Белова... (их краеведению, всем им может быть посвящён отдельный очерк, который в будущем мы и планируем посвятить).

Краеведение — антропологично, как и вся русская культура (это часть культуры). А русская культура, по определению многих учёных, в отличие от других национальных культур — литературоцентрична.

В произведениях В. И. Белова, например, была изложена формула-модель его малой

• Продолжение на 2-й стр.

— **ХОТЯ** мы и не носим погоны, но так же, как и вы, люди в погонах, мы находимся на службе у Отечества, — отметил старейший вологодский писатель Роберт Балакшин на встрече с новым начальником УВД по Вологодской области генерал-майором В.Н. Пестеревым с членами Вологодской писательской организации. — **Наша служба** похожая: мы стараемся укреплять словом основы государства, бороться за чистоту душ человеческих.

К своим обязанностям Виктор Николаевич Пестерев (он наш земляк, родился и вырос в городе Соколе) приступил недавно, 10 июля нынешнего года. А до этого семь лет возглавлял УВД по Белгородской области. Уже с первых дней работы на малой родине новый начальник УВД показал, что он рассматривает в своей деятельности и на широкую поддержку общественности. Прошла встреча с митрополитом Вологодским и Кирилловским Игнатием, было заключено соглашение о сотрудничестве с представителями Русской Православной Церкви.

И вот — новая встреча, на этот раз с членами Вологодской писательской организации Союза писателей России.

Работая в Белгородской области, которая теперь стала по сути приграничной, Виктор Николаевич Пестерев зарекомендовал себя как профессионал высокого уровня. Достаточно упомянуть факт, когда по оперативным действиям Белгородской полиции были арестованы, а затем и переданы суду более 60 участников наркобанды, которые занимались транспортировкой и распространением наркотиков.

Встреча с вологодскими писателями генерал-майора и началась с того, что он поделился воспоминаниями о том, как на Белгородчине повышали престиж сотрудника органов внутренних дел; он выразил уверенность, что подобное можно было бы осуществить и на Вологодчине.

Председатель правления Вологодской писательской организации поэт Михаил Карачёв представил участников встречи — известных прозаиков Роберта Балакшина, Александра Цыганова, Анатолия

НАХОДИМСЯ НА СЛУЖБЕ У ОТЕЧЕСТВА

Ехалова, поэта и публициста Геннадия Сазонова, поэта и публициста Сергея Созина из Череповца. Каждый из них в той или иной мере касался в своём творчестве разнообразной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Некоторые даже получили награды:

Литературной премией МВД СССР и Литературной премией МВД РФ отмечены произведения Геннадия Сазонова и Александра Цыганова, повесть Александра Цыганова «Вологодский конвой» известна далеко за пределами Вологодчины.

Известный писатель, журналист, кинорежиссёр Анатолий Ехалов напомнил, что ещё совсем недавно тема работы в милиции громко и внятно звучала на страницах местных изданий — появлялись очерки, репортажи, статьи, зарисовки. Он и сам писал яркие материалы, например, об участковых. Хорошо бы, пожелал Анатолий Ехалов, вернуть такую практику. Он, в частности, выразил желание подготовить книгу о лучших участковых Вологодчины,

которые когда-то работали, которые трудятся и теперь.

Конечно, забота о престиже сотрудников органов внутренних дел — вопрос серьёзный, и решать его нужно профессиональ-

но. Прозаик Александр Цыганов предложил учредить региональный конкурс на лучшее литературное произведение о работниках УВД. Это дало бы возможность и писателям, и журналистам попробовать свои силы в данной теме.

Мы готовы поставить своё плечо, если речь идёт об интересных и ярких сотрудниках — высказал своё мнение публицист Геннадий Сазонов. Речь может идти о подготовке очерков. Не нужно сбрасывать со счетов и непосредственное общение вологодских писателей с сотрудниками органов внутренних дел — выступления, презентации книг, литературные встречи.

Интересные предложения высказали поэты Михаил Карачёв и Сергей Созин.

Также участники встречи обсудили пути и методы повышения общеобразовательного и культурного уровня сотрудников органов внутренних дел через приобщение их к современной литературе.

Генерал-майор Виктор Николаевич Пестерев дал поручение своим помощникам подготовить конкретные предложения о сотрудничестве с вологодскими писателями.

(Соб. инф.)

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ. XXI ВЕК

Сергей ТИХОМИРОВ

ПРИТЯЖЕНИЕ МАЛОЙ РОДИНЫ

• Продолжение. Начало на 1-й стр.

родины, того крестьянского мира, царившего во второй половине XIX — первой трети XX века. Поэтом неслучайно он одно из своих сочинений назвал «Лад». Это была прямая проекция простого человеческого счастья, продолженного в трилогии «Час шестый». Рецепции трилогии писатель черпал в судьбах своих односельчан — жителей деревни Тимониха, выведенной им под названием Шибаниха.

Внесла в дело распознавания современного краеведения и вологодская поэтесса О.А. Фокина («Храни огонь родного очага...», «Счастлив тот, кто счастлив дома...»).

Раньше слово краеведение звучало несколько иначе: краелюбие, родинovedение... Со временем придумали регионovedение, было время — провинциологии...

Нередко оно перемеживалось с народными знаниями, употреблялось в месяцесловах и численниках (так в старину именовались отрывные календари).

В науке это слово и наука, говорящие об отношении к краеведению давно оформились... Оно звучит, как антропология.

И её ответвления: социальная, культурная, историческая... скрывает только одно начало: человеческое и людское отношение к историческому процессу, историческому явлению или событию..., сознание, по-научному, восприятие, некоторые не любят это слово — «рецепция»...

Но она ЕСТЬ, она живёт и развивается...

И пусть критики мне сколько угодно заявляют, что эта наука только ещё формулируется, её научный аппарат ещё не сложился, ко всему новому мы очень сложно привыкаем. Трудно идёт эта наука у нас в обиходе. Мы уже это проходили в своей истории... А её классик русской литературы, писатель, историк, мудрец и просто хороший человек Н.М. Карамзин, назвал историю интересным словом — наставница жизни. (Для вологжан этот историк очень

интересен тем, что был любимым писателем Василия Ивановича Белова. И его любимый литературный персонаж — Дон Кихот — напоминал любимого героя, с которого брал пример писатель и человек в жизни и литературе).

И проповедовал Н.М. Карамзин это начало производно от истории... Её нравственное начало.

Он говорил, что история современна по своему назначению...

Но я глубоко убеждён: и литература, и история, в числе социальных наук точно могут сказать и ответить на эти вопросы, то есть историко-литературные науки и сам литературный процесс антропологичны по определению.

Что такое МАЛАЯ РОДИНА, мне, как и любому человеку, сказать трудно, сложно и противоречиво...

Скажем, Москва — столица моей Родины. Город и свой, и чужой, он расположен где-то там, далеко-далеко...

Я знаю родину близкую — родную мне Вологодчину, которую можно понять всей душой, телом и сердцем.

По своим очертаниям, или попросту, абрисом, она напоминает нашу большую родину — Российскую Федерацию, о которой французский мыслитель Жан-Ришар Блок говорил: «Россия — это сама жизнь».

Чувствуете: сама жизнь!

И это высказывание ценно: взгляд со стороны оказывается не уродливой и злой карикатурой на наше Отечество, как это часто бывает, а взвешенной и беспристрастной оценкой.

О моей малой родине — Вологодчине — мне однажды довелось слышать такое высказывание:

«В недавнем прошлом мы говорили высокие слова о любви к отчизне, но несправедливо забывали малую родину — маленький городок, село, родную деревушку. А сейчас

обращаем к ней взор, как к спасительнице, с надеждой на исцеление и возрождение души, с болью и виной за бедствующие села и малые города, за гибнущие памятники архитектуры и культуры и, наконец, за удручающее состояние самой провинциальной жизни... Что же с нами происходит?».

Высказывание принадлежит фотохудожнику Игорю Зотину. Ему, как никому другому, оно очень свойственно... Вернее, человеку, за профессией оно очень красноречиво соответствует. Оно ценно ему, как человеку, видящему каждое мгновение во времени. Ведь именно он, как и многие фотохудожники, запечатлевает ежесекундную, сиюминутность, он видит секунду в тот самый момент, в котором вдруг им и уловим..., ему ценны доли секунды, поскольку ему Бог дал возможность видеть мгновение в том цвете, которую не видит никто, он видит цвет, как-то видит время по-особенному, в своём измерении...

Тут оживает фраза в тот самый момент... Остановись, мгновение...

Можно это мгновение не только видеть глазами, но и услышать плеск речных и озерных волн, шелест камыша, песни птиц, крики чаек, чирикание воробьёв.

Можно войти в неё, красавицу природу, потрогать руками, поцеловать, как красивую девушку, наслаждаться её красотой. Это и есть самое простое человеческое счастье.

Так что же такое малая родина?

Это то, что расположено недалеко от меня...

Это где-то рядом...

Это то, к чему я прикасался в детстве...

Это то, чему я радовался в юности...

Это любовь к местам, где я родился, живу и работаю...

Это то, чем я люблю сейчас.

Когда от одного воспоминания о малой родине защежит сердечко, а иногда вдруг да повлажняют глаза...

Говорить о малой родине всегда сложно, тем более, сегодня, когда, вступив в XXI век, население все больше и больше перебирается на жизнь в города, порой забывая об исконных корнях современной цивилизации. Вслушайтесь, ведь мы сейчас всё больше и больше говорим, что

хотим жить «цивилизованно», пользоваться плодами «цивилизации», и под этим понимаем городскую жизнь. Идет процесс урбанизации, люди перебираются жить в город, но мы все вышли из деревни и маленьких провинциальных (уездных, районных) городков, коих на европейском пространстве миллионы. И невдомек нам, ныне живущим в «цивилизации», что любая деревушка, наша малая родина, старше европейских столиц на несколько столетий. И цивилизация идет именно оттуда. Земля нашего рождения, деревня или город, а многие снобы говорят — провинция, как и человек, имеют свой облик, свою судьбу, свою историю. Испокон веков деревенских жителей и население небольших городов считали символом провинциального захолустья. С подобным утверждением сложно смириться. Стоит однажды побывать в наших деревнях, и ты влюбляешься в эти селения, очаровываешься уникальными памятниками провинциальной старины, деревянными и каменными особняками, церквями, а главное — общением с их жителями. Согласитесь, что побывав там, ощущаешь «особинку», выраженную в окружающей действительности. Именно она делает родным и притягательным удивительные земли нашего детства и юности. Не знаю, мне кажется, что нестоличные жители покоряют очарованием искренности и искренности.

И если вслушаться в названия вологодских деревень...

Семейные Ложки, Сарафанная Кулига, Липовица, Кокшница, Никола-корень, Конь-гора, Раменье, Соболиха, Родинка, Красота, Порубежье, Меленка, Воздвиженье, Березино, селю Тяпушкино...

Звучит как рецитатив... Почти что... народная поэзия...

А названия наших городов... Например, Устюг Великий...

Немногим городам на Руси присваивали подобные эпитеты, топонимы...

Тысячи вологодских названий, топонимов...

И в них — чистая поэзия народного слова. Сравните их с современными наименованиями...

И станет ясной неумелая словесная эстетика наших современников.

• Окончание на 3-й стр.

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ. XXI ВЕК

• Окончание. Начало на 1–2-й стр.

С горечью пойдем, что отшатнулась от нас красота жизни, померкло словесное золото.

Любая деревня, небольшой город, прежде всего, хранители традиций. Истинны их неброская красота и спокойное достоинство. Исконно ощущение их необходимости и значимости в человеческих судьбах. Здесь разлиты в воздухе историческая памятность, мудрая сосредоточенность, неспешность в делах и начинаниях, дающие уверенность в будущем. В деревенском убранстве нет крикливой кичливости, назойливости и безудержного самолюбования, которые характерны для столичных городов. В деревенской жизни все спланировано, соразмерно и думается здесь как-то по-другому – мягче, лиричнее...

Куда бы я ни приезжал в Вологодской области за последние годы, всюду меня встречали с улыбкой и ненавязчивым гостеприимством...

Общаясь со своими соотечественниками, я удивлялся их искренней доброте и исконной мудрости, любовался необыкновенными речевыми красками и занимательным говорком. Говоря о русской деревне, районном центре, у каждого читателя, вероятно, в памяти всплывают удивительные памятники гражданской и церковной архитектуры, прекрасные образцы древнерусской темперной живописи, красивейшие иконостасы местных монастырей, соборов и церквей. Однажды побывав в русской деревне, в небольшом уездном городе, невозможно не влюбиться в тихие улочки, обрамленные архитектурными жемчужинами, в его жителей, спокойно и уважительно встречающих многочисленных путешественников, приезжающих на свидание с историческим прошлым. Встретившись с местными жителями, начинаешь чувствовать и понимать их непритязательную, и немножко величественную, статью, воспитанную самой историей и укоренившуюся в их самобытном характере. После знакомства с городом или деревней ощущаешь могущество и одновременно сказочность всего увиденного. Русские деревни и небольшие города испокон веков считались оплотом русской духовности. Сегодня важно не потерять, а может где-то и снова обрести, веру в свое историческое прошлое. Следуя традициям, в умах и сердцах людей может появиться вера в завтрашний день... Как здесь не вспомнишь великого Пушкина... Без истории нет будущего...

Сейчас мне почему-то вспомнилось стихотворение вологодского поэта Александра Романова:

*Сколько их на Руси поставлено,
Деревенек и сел бревенчатых,
Подпоясанных палисадами
И рябинами увенчанных.
То речушки со щучьими плесами,
То леса их к себе привадили...
Широко по земле разбросаны,
Словно дети одной матери...
И в озерах ржаных да клеверных
Чередуется, будто пристани.
Еле слышные – ближе к северу,
Ближе к югу – голосистые.
Среди них одинокими вехами
Есть такие, что глаз не радуют:
Пассажиры давно все уехали
И не взяли билеты обратные.
Между ними, будя минувшее,
Там и тут церквушки на склонах
Кораблями лежат затонувшими
И белеют в глубях зелёных.*

Это стихотворение отражает судьбу многих тысяч русских городских и сельских селений.

И все они имеют свою многовековую историю...

И каждым шагом своей судьбушки они утверждали устой государства для нескольких поколений своих городских и деревенских граждан.

Северные уездные города и деревни никогда не производили впечатления застывших, праздной созерцательности, отстраненности от существовавших устоев жизни. Здесь все было так же, как и повсюду в государстве. С самых первых веков местной истории люди трудились, учились жизни, дружили, влюблялись, создавали семьи, растили детей, завершали свой путь на земле, выполнив свое жизненное пред-

назначение. Каково оно – это жизненное предназначение? Каждый человек самостоятельно определяет его для себя. Для кого-то, как и для А.С. Пушкина, оно состояло в том, чтобы «чувства добрые» лирой пробуждать, чтобы восславить свободу «и милость к падшим» призывать. Не менее достойное предназначение – посвятить себя благополучию своих близких, родных, своей семье. Но чтобы ответить на вопрос о собственном предназначении, необходимо осознать себя во всей полноте человеческой жизни в сегодняшнем измерении. Но этого не произойдет, если мы будем забывать историю своей малой родины. Она всегда выступает как путеводная звезда, которая как «земля отцов и дедов... дала мне всё, ничем не обдела: ни радостью, ни гордостью, ни болью». Когда-то древнерусский писатель и историк Плутарх сказал: «Что до меня, то я живу в небольшом селении и, чтобы не сделать его еще меньше, собираюсь в нем жить и дальше».

Жить по душе, душевно, в согласии с миром, согласно своей ментальности.

Города на Руси, и стольные, и губернские, областные, уездные, районные, то есть, и Москва, и Вологда, а, вместе с тем, и Великий Устюг, были небольшими поселениями...

Городки – называют таковые города археологи и отечественные медиевисты...

И в нашей земле имеются таковые поселения...

Тарногский Городок, Кичменгский Городок, известен городок Хазелец в современном Никольском районе.

Если бы мы применили все знания социальных наук и приложили их к Гардарике, то древнейший историк назвал эту страну Гардарией.

Налицо употребление суффикса «к» – уменьшительно-ласкательная форма этого топонима.

И если внимательно всмотреться в сегодняшний день современной жизни многих русских городов (да и Москвы, да и Вологды, или Твери, Череповца, Суздаля, Никольска), то можно увидеть черты небольших поселений.

Не зря до сих пор нашу столицу называют «большая деревня». Издавна она выступала деревенской.

И ещё в имперский период Санкт-Петербург, город Петра Великого, нашего императора, ассоциировался как европейская столица, а Москва, тоже столица, но столица поменьше, усадебная столица, центр дворянской усадьбы.

Петербург никто не осмелится назвать большим селом, ибо у него нет на то оснований, он сразу смотрел столицей.

Деревня Москва и деревня Вологда сдаются городскому образу неохотно, раздражённо.

Ещё есть в Москве чудом уцелевшие деревенские улочки, окружённые высокими домами.

Надолго вписались в городской ландшафт Вологды и деревянные дома.

Неслучайно в Вологде зачастую льётся легкозвучающая песенка о городе, «где резной палисад».

Жители Москвы, «последние могоикане», сильно сопротивляются напору властей, своему переселению в дома с горячей водой из крана и, вообще, со всеми удобствами в квартире, а не во дворе.

Вологда более покладиста и разумна... Почему?

Сказывается провинциальный характер.

Издавна считали, что вологодскую землю населяли потомки чуди, чуди белоглазой и чуди черноликой. Но она, с течением времени, «ушла под землю», как считалось в легендах и преданиях, сейчас она «жива» в народах финно-угорской языковой группы, пережила весь, стала вепсами, и со временем её ассимилировали люди славянской национальности.

Сколько ж веков прошло у этой эволюции, чтобы в современных городах и деревнях жили простые русские люди – одна из национальностей в многонациональной стране – Российской Федерации.

И большая, чем в Москве, этническая однородность населения.

Есть ли сходство между Москвой и Вологдой, вологодскими городами?

Одно дело Череповец, где скорость жизни отличается от Вологды.

Другое дело – сама Вологда.

Третий вариант – Великий Устюг с оттенком некой провинциальности.

Но всё же он Великий, эпитет, полученный в древности, в средневековый период русской истории.

В веке минувшем определились характеры российских городов.

Да, да. Я не ошибся. У городов есть свои характеры.

Есть их разная, но столичность (в этом понятии кроется некая самость наших граждан, своеобразная *гордость*, но не *гордыня*, наши жители, как отмечают приехавшие народы, именуются добрыми, ласковыми, приветливыми и гостеприимными людьми).

Как известно, слово «столица» произошло от слова «стол».

История Отечества знает примеры разных «столов».

И Новгород, и Москва, и Владимир, и Санкт-Петербург.

Отсюда и разная «столичность», ментальность и их жителей...

Москва – город первого престола. Она сажала на стол и короновала.

С конца XVII века до начала XX столетия – Петербург стал государственной столицей, но Москва оставалась Первопрестольной.

Великий Новгород – столица (стол) российской вольности, потерявшая себя перед Москвой.

Нижний Новгород – торговая столица (стол) России.

Вологда, что не есть, как раз может именоватьс я душевной столицей.

Как бы она не была сильнее, под давлением времени, но русский дух в этом городе жил всегда.

Неслучайно регион, именуемый Вологодская область, прозвали «бастионом патриотизма».

Самое большое количество людей, просиявших под ликом святых – здесь!

Самое большое количество людей, представленных к званию Героя Советского Союза и Российской Федерации – здесь!

И подобные примеры можно продолжать и продолжать.

Душа российская, чуткая, восприимчивая и святая живёт в Прилуках, Кириллове, Ферапонтове, Белозерье, Тотьме, Никольске и в каждом укромном месте области, где из-за деревьев и деревенских крыш ныне опять выглядывают купола и колокольни.

И не случайны многие современные вологодские чудеса.

Лишь большой мерой душевности можно объяснить явление во второй половине XX столетия вологодской литературной школы, особой страницы в истории всей страны.

Или недавняя, как будто совсем не Божественная, сказочная история: явление народу Деда Мороза в Великом Устюге.

Почитайте миллионы детских писем, адресованных сказочному волшебнику, какой душевной теплотой наполнены обратные корреспонденции, вышедшие с вотчины Деда Мороза.

Вологодская душевность – понятие особое! Весь край наполнен ею. И если этого не замечают в других местах, не понимают этой характерной черты края – не беда для него, а беда для тех, кто не замечает.

Читатель меня может спросить, почему я так долго рассуждал о ментальных устремлениях земли Вологодской?

Ответ мой прост.

Душевность, которой восхищаются многие люди, свойственна произведениям многих писателей – прозаиков и поэтов, рожденных на земле Вологодской.

Особенно – прозаика Василия Белова и поэта Николая Рубцова!

Неслучайно в октябре 1970 года в газете «Литературная Россия» известный критик Всеволод Сурганов впервые упомянул термин «вологодская школа» современной литературы.

Проговорил он его вскользь, как бы между прочим, но потом его подхватили многие.

Очевидно, что основой для выводов критика послужили, прежде всего, творчество Александра Яшина и Василия Белова, хотя в самой статье имена назывались и другие.

В данном случае важно увидеть основания для подобных мнений критика.

В поэзии вспомним Николая Рубцова. Говоря о «вологодской школе» никак нельзя упускать, что в 60-е годы XX века литературную Вологду без этого имени теперь представить трудно, ему удалось оста-

вить после себя целое направление в русской поэзии. Его неудачно назвали «тихой лирикой», потом поправились. Конечно, нет в поэзии Николая Рубцова никакой «тишины». Есть наполненность самой народной жизнью в ее различных проявлениях. Поэзия Николая Рубцова – это голос народа. Приведем суждение Вадима Кожина на схожую тему о поэзии Николая Рубцова: «О народности того или иного поэта часто говорят, основываясь на тематических и языковых чертах его творчества – то есть на осваиваемом им «готовом» материале жизни и слова. Такая внешняя народность достижима без особого дара и творческого накала. Между тем народность Николая Рубцова осуществлена в самой сердцевине его поэзии, в том органическом единстве смысла и формы, которое определяет живую жизнь стиха. Дело вовсе не в том, что поэт говорит нечто о природе, истории, народе; сказать о чем-либо могут многие, и совершенно ясно, в частности, что многие современные поэты говорят о природе, истории, народе гораздо больше, чем Николай Рубцов. Дело в том, что в его поэзии как бы говорят сами природа, история, народ. Их живые и подлинные голоса естественно звучат в голосе поэта, ибо Николай Рубцов... был, по словам Есенина, поэт «от чего-то», а не «для чего-то». Он стремился внести в литературу не самого себя, а то высшее и глубинное, что ему открывалось».

«Сила, конечно, в самой органичности и исходности материала, – вторит критик Владимир Гусев, – в мощи первичных ценностей, в острой постановке вопроса, в чём же *прочность, традиция* (выделено мной. – С. Т.) человека в нынешнем динамическом мире; слабость – в иллюзии герметизма деревни, в прекраснотушной мечте, что мир таков, *может быть* (выделено мной. – С. Т.) таким, каким мы представляем его, сунув голову в чистый, влажный зеленый куст какого-нибудь чернотала или краснотала; но мир – вот он, вокруг, в просторе, и человек, даже дремя в зное, в общем-то все равно знает в душе, что впереди – дорога».

Но здесь следует и важное замечание, что «деревенская проза» как явление, была необходима, чтобы выразить новые тенденции общественного сознания.

Критик Анатолий Ланщиков высказал мысль:

«С понятием «вологодской школы» связывались имена Александра Яшина, Николая Рубцова, Василия Белова, Ольги Фокиной... И вот сибиряк Виктор Астафьев сразу же вписался в эту «школу». Художник, чей талант намного превышает масштабы местного таланта, всегда легко впишется в любую «школу», если она, разумеется, достойна его таланта. Астафьев не только вписался в «вологодскую школу», но во многом обогатил ее своим самостоятельным художественным поиском».

Завершить мне хочется свое повествование словами ещё одного вологодского писателя, всемирно известного Варлама Шаламова.

Когда-то он писал:

*Мы родине служим по-своему каждый,
И долг этот наш так похож иногда,
Но странное чувство арктической жажды,
На сухость во рту среди неба и льда.*

И, формулируя ответ на вопрос, в чём заключается русская уездная или деревенская (они обе пошли от деревенской) ментальность (правда, здесь будет уместным замечание о национальных чертах характера), мне кажется, будет верным сказать:

«Деревенская ментальность, независимо от того, где проживает её носитель, сосредоточила в себе контрастные черты, как скромность и даже стеснительность, но при этом глубочайшую уверенность в себе. Неярко, сдержанно внешнего выражения чувств и вместе с тем глубину их душевного переживания, мощную внутреннюю силу характера, личности, стремление быть самим собой при любых обстоятельствах, неизменное чувство собственного достоинства. К этому можно добавить любовь к своему краю, внимание и поддержку земляков, где бы они ни находились».

...Закончил я слушать передачу по радио задолго до её окончания. Услышанное стихотворение Николая Рубцова подтолкнуло меня к тому, что я скажу коллегам на предстоящем съезде Союза краеведов.

КРАСОТА – В ГЛАЗАХ СМОТРЯЩЕГО

(О рассказе А. Цыганова «Садовник»)

*Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий
Только отклик искажённый
Торжествующих созвучий?*

В. С. Соловьёв

Рассказ Александра Цыганова «Садовник» – это современная притча, написанная с библейской глубиной постижения мира.

Писатели и поэты обладают способностью видеть красоту и истину там, где другие проходят мимо, ничего особенного не замечая, кроме картины обыденности. В своё время Гёте кратко определил эту способность так: «Красота – в глазах смотрящего» [1]. Христианская эстетика считает: талант видения красоты определяется способностью человека к любви. Выдающийся мыслитель XX века митрополит Антоний Сурожский пишет: «Для того чтобы видеть красоту человека там, где другие её не замечают, достаточно полюбить его». И тогда мы не только его внешний облик замечаем, а «видим сквозь это сияние личности» [2].

Писатели очень часто критически ко всему относятся, болезненно переживают уродства нашего мира. Они следуют завету Н. А. Некрасова: «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть». Но если безоговорочно опуститься в пучину ненависти, то и любить можно научиться. Можно и ослепнуть, и красоту мира не увидеть.

В рамках критического реализма этому противоречию не найти решения. Всех нас слишком долго учили только ненавидеть, а любить предлагали фальшивые ценности, поэтому многие из нас утратили чувство красоты. Христианский взгляд на человека открывает писателям другой путь познания жизни: «Когда Бог смотрит на человека, Он видит в нём не добродетели или достижения, которых может и не быть, но ту красоту, которую ничто не может уничтожить» [3].

Писателей, одарённых таким духовным видением, в наше время немного. Один из них – Александр Александрович Цыганов. Сюжет рассказа «Садовник» даёт повод некоторым критикам снова упрекнуть писателя в мистицизме. Но этот термин многозначен и вряд ли подходит для характеристики творчества Цыганова. Писатель использует палитру критического реализма, но это для него лишь вспомогательное средство.

Главное, что определяет художественное видение автора и на что постепенно настраивается взгляд внимательного читателя, это его **духовный реализм**. Тот самый метод письма, который был освоен ещё гениальными творцами XIX и XX веков: например, Пушкиным в «Капитанской дочке» и «Пиковой даме», Лермонтовым – в «Демоне», Гоголем в «Петербургских повестях», Достоевским в «Бесах» и «Братьях Карамазовых», Шмелёвым – в «Лете Господнем», Булгаковым в «Мастере и Маргарите».

На первый взгляд рассказ «Садовник» – это всего лишь жанровая зарисовка. Как обычно у А. А. Цыганова, в повествовании всё узнаваемо: улицы, церковь, рынок, набережная, ларьки и киоски города Вологды. Вологжанин смог бы провести экскурсию по маршруту движения главного героя. Реалистически изображены типы горожан, с которыми встречается герой. Зоркий глаз писателя точно определяет характеры людей и создаёт индивидуальные художественные портреты всех участников драмы.

Но это всего лишь панорама, на фоне которой и происходит главные события. А дальше включается глубинное измерение души героя и его поступков, то есть выясняется его духовная значимость. Главную роль в раскрытии этой стороны содержания рассказа играет композиция, которая придаёт повествованию звучание трагической симфонии.

В рассказе используются различные имена и названия главного героя. Сначала он назван нейтрально по фамилии и роду занятий: Горелов – сторож в кандейке (в винном магазине). Фамилия и профессия говорят о том, что это человек с неудавшейся и, видимо, трагической судьбой. Об этом же свидетельствует и его внешний вид: «Под сорок уже, а на вид и того больше: давно не брит, волосы не стрижены, вдобавок еще все старое на нем надето. И пальто, и штаны, и пиджак. А у шапки одного уха совсем нет, оборвалось. Бывает, какую-нибудь зловредную дырку, что совсем на виду, закропаешь, как умеешь, и дальше бегаешь. Может, и рад бы в новое обрядиться, да с такой зарплатой быстро закукуешь. Но

это еще ладно, платите хоть вовремя и то бы хорошо. Думают, сторож в кандейке, так уже не человек?» Таково первичное поверхностное представление о герое. Для чётких и озлобленных людей этого достаточно, чтобы называть Горелова *бомжом*, *тронутым*, *дворником-лентяем*, *гадом*. Даже его гибель при спасении девушки эти холодные люди трактуют как самоубийство и считают: «Пьяница какой-нибудь или с ума человек сошел». В городе оказалось мало людей, жалеющих этого неприкаянного жителя Вологды. Однако и продавщица, и старушка в церкви, которые ласково обращались к нему *молодой человек*, *милочка*, не поняли его.

Холод царит на улицах города, он страшен герою, так как у него нет от него защиты. Ещё больший холод царит в людских душах, он-то страшнее уличного мороза. А теперь обратимся к внутреннему голосу героя, обратим внимание на его слова и поступки. Он незлобив, кроток, честен: «И что с того, если иногда возьмут да бомжом на улице обзовут, сорвется с языка. Не на таковых напади, гореловская порода другая: чтоб с протянутой рукой на люди сунуться, это уже надо особенную натуру иметь. Все нынче на одно лицо – и те, что торгуют на каждом углу, и те, что деньги у каждого встречного без зазрения совести моришат. Раньше тоже всяко жили, но ведь этого не было – откуда что и взялось?»

НАШИ РЕЦЕНЗИИ

КРАСОТА – В ГЛАЗАХ СМОТРЯЩЕГО

У Горелова, несмотря на страшную нищету и неустроенность, сохранился внутренний духовный стержень, личное достоинство: он не суетится и не вступает в непристойную борьбу за какие-то жалкие бытовые приобретения. Автор повествует: «Но ему давно хватало кружки горячего чая и куска хлеба. Там, где он проживал, о первом и втором мечтать не приходилось: в зареченской коммуналке, как в общем вагоне, если не хуже. К плите не подступиться: очередь с утра до вечера вперемежку с пьянкой на том же месте. Да и без ругани с мордобоем не обходится. Какое дело идти. Вот и сейчас не тянет. Хоть мороз на улице, а лучше по городу пройтись».

Герой А. А. Цыганова поражает тем, что, постоянно сталкиваясь с уродствами нашей жизни, преодолевает их и выходит «за пределы уродства к иному видению» [4]. Так, грубого, сытого и подвыпившего молодого парня в богатой дублёнке, который его оскорбляет, приняв за нерадивого дворника, он не презирает, не вступает с ним в бесполозный спор, а пытается привести в чувство и говорит добродушно: «Земляк, я такой же прохожий, как и ты». Но его не слышат, и это не его вина. «Я бы сказал здесь то же, что было сказано о красоте: уродство – в глазах смотрящего». [5] Фраза «Земляк, я такой же прохожий, как и ты» выражает главный жизненный принцип человека, живущего по христианским заповедям. И она по-евангельски многозначна и глубока.

В окружении постоянной несправедливости и грубости душа героя скорбит. Бездна отчаяния звучит в его словах: «На душе и без толсто худ. Тошно: как по рукам-ногам связали и в колодец без дна бросили». Тем более удивительны и трогательны милосердие и щедрость этого нищего и униженного людьми человека. Никому ненужный в своей горемычности, он, тем не менее, помогает, чем может, всем, кого встречает на своём пути: утешает растревоженного дедушку, счищает лёд на крутой лестнице, чтобы люди не расшиблись, пытается в церкви передать через служительницу деньги чужой девушке, чтобы она не совершила опрометчивого безрассудного поступка. Особенно поражает милосердия, данная дважды из последних денег, таджикским женщинам, сидящим с детьми на морозе прямо на земле: «Возле нового магазина в гириандах цветных шариков денег, на газок разделил пополам и половину сунул нищенке, а после, не выдержав, перешел на другую сторону улицы. И сколько бы он ни старался, так и не услышал, что думали эти полудобромороженные женщины. Наверное, они давно уже ничего не думали». Все эти поступки тревожат, как-то теребят наши равнодуш-

ные души и заставляют устыдиться своей чёрствости.

Дважды спасает Горелов встретившуюся ему на рынке девушку-старшеклассницу: сначала от бесчестия, а потом – от смерти. Это юное существо погибло от страсти, типичной для современных школьников: «Ну, я вам устрою, – бездумно глядя глазами, полными слез, на холодные киосковые стекла, негодовала школьница. – Блин, прикольно: смарфтон им жалко купить! Все наши уже по второму сменили, а мне фигу показали: потери немного, сейчас не можем! Потерплю, потерплю, не расстраивайтесь: такое вам устрою, потом и рады бы все отдать, да только поздно будет!» Горелов спасает брошенную под автомобиль девушку, но сам погибает...

Во всех этих событиях последнего дня героя он выходит, как мы уже подчеркивали, за пределы уродства к иному видению. На обывательском уровне все поступки Горелова кажутся неправдоподобными или бессмысленными. Иные скажут мне: «Таких людей нет! Да и не нужны они вовсе!» Смею возразить: такие люди бывают и такие люди нужны, так как их личность создана по образу и подобию Божию!

Свидетельствую, что среди моих деревенских родственников были такие люди. Они были готовы взвалить на себя твою ношу,

накормить последним куском хлеба, отвратить от беды. Я их помню поимённо. Они победили в страшной войне, многократно совершая подвиг самопожертвования. И сейчас такие люди есть, так как наши современники – от корня тех родных нам соотечественников.

Говорить в заключение такие высокие слова справедливо и уместно, так как весь рассказ-притча А. А. Цыганова пронизан евангельским духом. Читая его, вспоминаешь евангельские заповеди и притчи, например, о лепте вдовы, о блуднице, в которую никто не смог бросить камень, о милостивом самарянине. И, наконец, вспомним о **садовнике**. Так сам герой назвал себя, по какому-то внутреннему чувству. Так же назвал автор свой рассказ. И это не случайно. Этот человек исполнил многие евангельские заповеди и, таким образом, уподобился Христу, которого в Евангелии называют *Господином виноградника* (Л 9:16) или *Садовником* (И 20:15).

А. А. Цыганов удивительным образом передаёт момент подвига-самопожертвования своего героя как очищение от тёмного начала в человеке и полёт души в бесконечное пространство света: *Но еще раньше, успева все-таки понять, что такое неподвижно сидело в нем, – Горелов уже точно знал, что станет делать дальше. И тогда, как будто это услышав, что-то дегтярно-блестящее с ревом вышло из его нутра вон, освободив всего от леденящей маеты, а он сам тотчас прыгнул, оттолкнув вздрогнувшую школьницу в сторону... Горелов видел свое тело с разбросанными руками и разбитой, раздавленной головой, со свивающимися сосульками красных волос. А следом нечто светлое подняло его уже неослабную светящуюся оболочку высоко-высоко, но будто все его, гореловское, светлое, не отставало кричать и кричать, неведомо уходя в запредельные невозвратные дали. Только уж если там, на земле, никто не хотел слышать – кто же теперь услышит оттуда – из света?»*

Последняя фраза выражает горькую истину – мы не видим красоты человека при его жизни. Для этого он должен сначала умереть. Но и этого часто бывает мало. И остаётся только задать вопрос вместе с поэтом:

*Где весна любовью бредит?
Холода царят на всей земле... [6]*

[1] Митрополит Антоний Сурожский. Красота и уродство. Беседы об искусстве и реальности. – М.: «Никея», 2017. С. 62.

[2] Там же. С. 66.

[3] Там же. С. 59.

[4] Там же. С. 134.

[5] Там же. С. 134.

[6] Сидорова Н. Под пение птиц. – Вологда, 2008.

Людмила ЯЦКЕВИЧ,
профессор, доктор филологических наук

МИЛОСТЬ СЕРДЦА

(О книге «Милость сердца»
Геннадия Сазонова)

«Моя новая книга о людях, творящих в душевном порыве добро, проявляющих милосердие, сострадание, жалость, желающих в суете будней найти главное», – начинается разговор с читателем автор, подчёркивая своё намерение противопоставить в информационном поле, наполненном ложью, клеветой, русофобией, настойчивым навязыванием событий криминального плана, извращением нравов и презрением к России, – истинное подвижничество и милосердие, богатый опыт благотворительности, как проявление духовности, опирающейся на опыт Православия.

Добро идёт из души

Святой Русской Православной церкви, преподобный Иосиф Волоцкий призывал своих чад: «Пойми, чего требует Царь Небесный от твари своей – малой и лёгкой милостью». Святой знал и переживал в своём любящем сердце два житейских полюса в бытии России: чрезмерную роскошь и нужду, граничащую с нищетой. Геннадий Сазонов, обращаясь к современности, находит среди своих земляков человека, продолжившего многовековые традиции российской благотворительности. Это Константин Симаков, работавший свыше сорока лет в газовой отрасли, директором КС-17 Газпрома в Грязовецком районе, совмещая основную работу с депутатской деятельностью в течение двух сроков в Вологодском областном законодательном Собрании, помогая многолетним семьям, ветеранам войны и труда, людям культуры и искусства. Как планета держится Небесным тяготением, так сообщество людей держится совестью, добром, любовью, милосердием. Автор книги приводит примеры дарения милости сердца от князя Владимира, преподобного Федосия Печерского, Иулиания Осоргина, купца Христофора Леденцова, Козьмы Солдатенкова до своих современников. Это, например, пенсионерка Мария Мартемьяновна Борисюк и Станислав Березин из Шексны, Валерий Соловьёв из поселка Юбилейного, Александр Николаевич Дугин из Ярославской области и многие другие. И мы не можем не согласиться с Геннадием Сазоновым, утверждающим, что стремление к милосердию и добровольной жертве – «это природное качество человека, действующее в нём независимо от политического устройства или общественного строя в стране на текущий момент».

«Восстановить храм»

В книге «Милость сердца» идёт подробное повествование о восстановлении храмов в России по доброму движению сердца прихожан. С началом 90-х годов прошлого века по всей России люди потянулись к тому, что долгие десятилетия было под запретом. Геннадий Сазонов рассказывает о восстановлении всем миром Свято-Троицкого Павло-Обнорского монастыря, широко известного в дореволюционной России, связанного с именем Ивана Грозного, Спасо-Сергиевской церкви, о ремонте храма Богоявления, воздвигнутого в 1812 году в честь победы русского народа в Отечественной войне, об учительнице Зинаиде Петровне Исправниковой, посвятившей часть своей жизни восстановлению храма в Спас-Нурме.

Нелегко продвигается благое дело, оно требует к тому же противостояния русофобии, уничтожающим, неблагоприятным материалам «жёлтых» СМИ, настоящего подвижничества в условиях, в которых местное самоуправление «напоминает этакое иго, когда под видом «федеральных потребностей» с территорий изымается средства, столь необходимые для их развития».

«В честь нового Златоуста»

Среди многих православных традиций автор книги о милосердии в России выделяет потребность личности жить интересами общества, служить Отечеству, приводя примеры жизни великого новгородского князя Олега, названного А. С. Пушкиным «вещим Олегом», князей, позже причисленных к лику святых Бориса и Глеба, Серафима Саровского.

На Вологодчине возник первый в России храм в честь Святителя Игнатия (Брянчанинова). Место, где он сияет куполами, выбрано не случайно. История храма связана с именем Елизаветы Фёдоровны Лялиной, автора книги совместно с К. Симаковым «Дорога к храму», почетного гражданина

• Окончание на 5-й стр.

НАШИ РЕЦЕНЗИИ

• Окончание. Начало на 4-й стр.

Грязовецкого района. Всю свою жизнь она посвятила бережению уникальной кедровой рощи, посаженной её мужем Виталием Андреевичем Лялиным вместе с Ильёй Афанасьевичем Клиновым. За 15 лет триста саженцев превратились в замечательную кедровую рощу. Здесь и выбрано было место для строительства храма, давшего новую традицию — проведение «Игнатиевских чтений». Но его возникновение — это и результат усилий Грязовецкой администрации, и Газпрома, и предпринимателей района, и простых жителей района. Удивительную картину представляет храм в вечернее время благодаря чудесной подсветке, выполненной службами электроснабжения Грязовецкого ЛПУ. Предметом особой гордости является колокол «Благовест», отлитый в городе Тулаево Ярославской области под руководством Николая Шувалова, колокола которого звучат в Германии, Сербии, Черногории, Грузии. Поездку храму и с мастером по строительству куполов Юрием Васильевичем Павловым. По его чертежам, требующим большого искусства, были изготовлены кресты под руководством Владимира Ивановича Железова. Уникальный иконостас был создан в мастерской «Преображение» по проекту Амаяка Вачеяна. Ярославские мастера блестяще справились с поставленной задачей.

«Высокое и благородное призвание учителя»

Отдельную главу посвящает Геннадий Сазонов теме народного образования, не образовательным нищенским духом стандартам, а именно образованию и воспитанию милосердия и благородства. Что удерживает дом от разрушения? Важнейшее условие здесь — прочные фундамент и крыша. Если перенести эти понятия в образование, то крыша — это знания, а фундамент — это воспитание человека. Когда же, наконец, государство поймёт, что в школах должны работать лучшие люди, материально обеспеченные высокой зарплатой, чтобы иметь время на саморазвитие и качественную подготовку к занятиям! Геннадий Сазонов рассказывает о помощи Константина Симакова Грязовецкой школе компьютерами, программным обеспечением и Интернетом, стипендиями лучшим ученикам, приводит историю училища кондукторов путей сообщения в дореволюционном Вышнем Волочке Тверской области, оно — один из многих примеров высокого уровня образования. Другой пример — Императорское техническое училище (ныне институт имени Н. Баумана).

Обращаясь к проблемам в образовании сегодняшнего дня, автор книги описывает роботизацию учителя отчётностью, нежелание детей учиться, если они далеки от нравственных и духовных традиций, когда у детей «есть всё, кроме будущего».

«Чувства добрые»

Заключительная глава книги посвящена теме поддержки отечественной культуры. Это открытие музея поэта Игоря Северянина в деревне Владимировка Вологодской области, благодаря помощи все того же мецената Константина Симакова, организация пленеров художником Сергеем Радиоком, затем перечисление денег в Фонд помощи детям от проданных картин. Начальник КС-17 содействовал выходу альбома художника Константина Персидского, становлению гонимой мастерской Вячеслава Отгадова, который создал памятник Николаю Введенскому, помог театральному объединению «Ковчег», а также и в ремонте Центральной библиотеки Грязовецкой библиотечной системы. Особым проектом можно назвать помощь Симакова в издательском проекте — двух книг выдающегося русского писателя Василия Белова, книг Николая Дружининского, издательской серии «Писатели родного края», журнала «Вологодская литература».

Геннадий Сазонов, размышляя о делах милосердия и любви, создал образ вологодского мецената Константина Симакова, нашего современника, но также и самого автора можно отнести к народным духовным воинам, славящим Бога так, как позволяет сердце, открывая его в духовно-нравственном совершенстве.

Лидия ДОВЫДЕНКО,
главный редактор журнала «Берега»,
член Союза писателей России,
кандидат философских наук

В НАЧАЛЕ ПУТИ

В Вологде у Николая Дегтерёва вышла первая поэтическая книга «Часовой мастер» (Дегтерёв Н.А. Часовой мастер: стихотворения / Николай Дегтерёв; (ред. Карачёв М.И.) — Вологда: ПОЛИГРАФИСТ, 2016.— 62 с.— (Вологда. XXI век). Лучшими в ней, на наш взгляд, стали стихи «Да, я мальчишкой мечтал о славе...», «Что говорить, встречались, разошлись...», «Мой друг, мне снится иногда...», «Нету сил. Опускаются руки...», «Наваливалась тишина...». Особенно удачными являются стихотворения, в которых присутствует живое лирическое чувство:

*Нету сил. Опускаются руки.
Но держись, моя радость, держись,
Эти слёзы, обиды и муки —
Это всё называется жизнь.*

*Мы учились не этому зренью,
А достоинству, воле, борьбе,
И совсем не учились терпенью —
Слишком сложно — и мне, и тебе.*

*Ничего, что мы это не знаем —
Наверстаем, изучим, поймём,
Книгу жизни ещё полистаем
И параграф искомый найдём,*

*Посидим над учебником этим,
Мудрость каждого зная листа,
Как послушные малые дети
На уроке Иисуса Христа.*

(«Жизнь»)

Николай Дегтерёв идет трудной дорогой духовного постижения мира, его лирический герой ведёт разговор с читателем в присутствии Бога:

*Там, где бьётся о берег прибой,
мы о многом молчали с тобой,
а потом говорили о многом
так же искренне, как перед Богом.*

Сиротство и одиночество в таком контексте невозможны:

*Я остался один, но всё же,
Как и прежде, я любящий сын.
Будь мне мамою, Матерь Божья,
Будь отцом мне, Господь един.*

В поэзии молодого автора заметны традиционные рифмы, размеры, тропы, в то же время в ней звучит грозный голос современности:

*«Соли нет!» — сказали в магазине.
Неужели вправду соли нет?
В деревенском старом магазине
Я купил для сына пистолет.*

Есть в лирике Н. Дегтерёва и неожиданные, запоминающиеся, хотя и рискованные, образы: «А из коляски глядят на меня Глаза моего отца», «онкологическая зима», «там рельсы дрожат от гуда высокой травы». Из стихотворений необходимо убирать личные приметы, которые ничего не говорят читателю:

*Аккуратно стих пишу в тетрадь,
Хочется бумагу помарать
И ещё взглянуть издалека
На ШРПС, на облака...*

Надо избегать и стихотворной публицистики (то, что можно написать прозой), например, в таком тексте, как «Мне тут пригрезилось спросонья ли?»

В лирике Н. Дегтерёва слишком много глагольных рифм: «молчать — стоять», «жалеть — стереть», «трещат — стоят», «молчит — сидит» и других. Пользоваться такой рифмой можно только в крайних случаях.

Сергей Есенин раскрыл однажды секрет музыкальности своих стихотворений, их «лёгкого дыхания» — он заметил, что в народной поэзии всё строится на «певческих» гласных, которые соединяют слова в стихе: «Не жалею, не зову, не плачу...» У Дегтерёва можно заметить тяжеловесность согласных «стыков»: «И мрачен, как сторож среди зимы...» Если не получается «петь», то тогда надо смелее использовать аллитерации, а также внутренние рифмы.

Николай Дегтерёв находится в начале пути к поэтическим вершинам. Хочется надеяться, что его он пройдет без значительных потерь, неизбежных в литературном деле. Отрадно, что начинающий автор не чуждается критики, прислушивается к советам старших товарищей. Читательское внимание и любовь легко завоевать с первого раза, куда труднее удержать его во времени. Но с Божьей помощью, — а Дегтерёву это хорошо известно, — всё возможно. В добрый путь!

Виктор БАРАКОВ,
доктор филологических наук,
член Союза писателей России

ПОЛЕЗНАЯ КНИГА

Мы не знаем своего завтрашнего дня.

Взяв книгу Н. Мелёхиной «Александр Панкратов» и раскрыв её, я подумал: что может дельного написать о войне человек не только не воевавший, но и вообще в армии не служивший? Во вступлении меня резанули слова о человеке, который «лёг грудью на дуло вражеского пулемёта». Ясно, что автор не имеет понятия о конструктивных особенностях дота (долговременной огневой точки). Дуло — оконечность огнестрельного оружия, не высовывается наружу из дота, ствол пулемёта находится в глубине амбразуры, поэтому лечь на это дуло при всём желании невозможно. Книга о войне я прочёл много, и терпеть не могу интеллигентского презрительного верхоглядства и злобного критиканства, вплеснувшегося в адрес армии на страницы наших газет и журналов за последние десятилетия.

В ожидании ляпусов, подобных «дулу», на другой день я принялся за чтение.

Но после первых же страниц от моего критического намерения не осталось и следа. Автором взята удивительная (для нашего времени) уважительная, правдивая интонация. Ни малейшего намёка на ёрничанье, снисходительную ухмылку, которые нередки у современных авторов, пишущих о войне и о советском времени.

Н. Мелёхина повествует о предвоенной Вологде, о нелёгкой жизни советских людей, лишениях, выпавших на долю того поколения 20–30-х годов. О стремлении молодёжи к овладению знаниями, о времени, наполненном энтузиазмом. Чрезвычайно верны её слова о новом поколении людей, воспитанных партией и комсомолом в любви к Родине. Эти её строки перекликаются с документами, воспоминаниями генералов вермахта. В своих мемуарах они, бывшие участники первой мировой войны, пишут о поразительной стойкости и мужестве советских воинов. Они признают, что большевики воспитали новое поколение русских людей, разительно отличающихся от дореволюционного поколения. (см. Ю. Мухин. Если бы не генералы, М., 2006, с. 163).

С опорой на документы, без всякой отсебятины Н. Мелёхина пишет о первых днях и месяцах войны. Её книга напрочь развенчивает враньё о том, что Красная Армия не хотела воевать, защищать советскую власть. Я уверен, что подвиг, совершённый А. Панкратовым, первый официально известный. Такие подвиги совершили и до него, но имена тех героев сгинули в кровавой сумятице месяцев отступления, когда было не до величия героев, главное было — устоять под натиском немецкой армады, всё сокрушавшей на своём пути. Я вспоминаю кадры немецкой кинохроники. Немецкие солдаты проходят мимо окопа. Перед окопом пулемёт «Максим», а на земле израсходованные пулемётные ленты и три убитых советских солдата. Не сбежали, не сдались, знали, что спасение не придёт, но остались верными присяге до конца. Имена их неизвестны.

Звание Героя Советского Союза А. Панкратову присвоили через полгода после его подвига, когда уже отгремело сражение под Москвой, и фронтовая обстановка была совсем иная, чем в 41-м году.

Наградные листы на А. Панкратова читаешь со слезами на глазах. Вообще, книга обильно иллюстрирована.

Интересны сведения об увековечивании памяти Героя на заводе ВРЗ в Вологде, в Великом Новгороде, селе Абакшине.

С волнением я читал о теплоходах, носивших имя отважного политрука. Скорблю по ликвидации судоходства на Вологде. Надеюсь (и не один), что оно возродится. Жаль, что не бороздят реки суда с именем А. Панкратова на борту.

Кстати, о политруках. В недоброе время перестройки не сведущие писатели в угоду бушевавшей тогда антисоветчине, изображали политруков дармоедами, нахлебниками, прятавшимися за солдатскими спинами, занимавшимися составлением «Боевых листов» и выпрашивавшими себе награды. Но многие герои, имена которых не умрут в народной памяти, были политруками — легендарный герой Малой земли Ц.Л. Куников, храбрый десантник один из немногих пехотинцев дважды Герой Советского Союза — В.Н. Леонов.

Н. Мелёхина не боится возражать именитым американцам Г. Солсбери и Д. Гланцу, которые, стремясь принизить победы Красной Армии, выпячивают её неудачи, поражения, а об успехах советского оружия упоминают вскользь. Похвальна эта независимость суждений молодой журналистики,

ведь ещё недавно всё, сказанное американцами, почиталось за чистую правду: американцы же не могут лгать.

Подвергает она критике заявление наших недоброжелателей, что советские воины совершали подвиг в состоянии аффекта, т.е. люди делали это чуть не в бессознательном состоянии, не осознавая происходившего. Люди, заявляющие подобное, далеки от понимания воинской психологии, они не имеют даже приблизительного представления о таком понятии, как боевая ярость, когда человек охвачен одним чувством: победить, уничтожить врага во что бы то ни стало, пусть и ценой собственной жизни. Это же относится к воздушным таранам. Советские лётчики совершили 561 таран, причём таранили лётчики в звании от полковника до сержанта. Немцы не выполнили ни одного тарана, хотя в конце войны Г. Геринг отдал приказ таранить советские самолёты. (Ю. Мухин. Асы и пропаганда, М., 2004, с. 412).

Добротная, честная, патристическая, я бы даже сказал, советская книга. По ней надо проводить уроки в школах. Она написана ясным, доступным языком. Чувствуется, что автор любит, о чём пишет. Не надо стыдиться советскости. Советская эпоха в жизни России, это не чёрная дыра, как пытаются внушить нам наши враги, это эпоха подвигов, свершений, носящих и трагическую окраску.

В книге поставлен вопрос: почему герои именуются Матросовцы, а не Панкратовцы? Потому что о подвиге Матросова стало известно И. Сталину. Он сразу понял значение подвига как символа героизма, любви к Родине. Именно по его приказу о подвиге было напечатано во всех газетах, и он получил широкую огласку.

К сожалению, книга не свободна от идеологических штампов, внедрённых в общественное сознание. Н. Мелёхина пишет о сталинских репрессиях, о 40 тысячах репрессированных командиров. Советую автору читать современные исследования, а не повторять давно разоблачённую ложь военного «историка» Волкогонова. Да, из армии в 1937–38 гг. были уволены около 40 тысяч человек, из них было репрессировано (не расстреляно) 8 тысяч, 11 тысяч впоследствии были восстановлены в армии, (И. Пыхалов. Великая обманная война, м., 2005, с. 55).

Автор неодобрительно отзывается о коллективизации. Коллективизация была объективно необходимым процессом в ходе превращения из аграрной страны в индустриальную державу.

В книге ни слова не сказано о Сталине. А фронтовики говорят о трёх факторах победы: стойкость народа, мужество армии, Сталин. Это сейчас повелось, что в День Победы говорят о ком угодно, даже о Гитлере, но фигуру Сталина обходят молчаливо. Кто командовал армией, кто вдохновлял народ на борьбу с врагом — непонятно.

Герои и мёртвые воюют за Отечество. Все мы помним ту бесовскую вакханалию вокруг войны: зачем воевали, почему не сдались? Фронтовики не выдерживали такого глумления над Победой, кончали жизнь самоубийством, наиболее известны имена В. Кондратьева и Ю. Друниной, а сколько безымянных героев оборвали свои жизни. Нас укоряли, почему в Европе не отмечают победу над Германией, а мы в России отмечаем. Негодяи сочинили даже термин «победобесие». Во-первых, какое нам дело до Европы, у них там извращенцы заключают браки, глумясь вообще над идеей брака. А во-вторых, ни один народ Европы Гитлер не намеревался извести под корень, а славян истреблял миллионами. Сколько детей невинных погибло. Пока наш народ жив, он будет помнить Красную Армию, маршалов, генералиссимуса Сталина, всех воинов, отстоявших в боях Родину от врага. Родовая память народа живёт в веках. Родовая память помнит до сего дня, как мы рубились мечами и саблями в излучине Дона, сокрушали черепа басурман кистенями, резались в неимоверной тесноте, когда тысячи тысяч сошлись в смертельном поединке. Мы помним о Куликовом поле, о Полтаве и Бородино, мы не забудем героев битв под Москвой и Сталинградом, под Ленинградом и Курском, на улицах поверженного Берлина. И благодарность народная тем людям, что хранят, передают эту память, делают всё, чтобы память о героях Отечества не потускнела, не угасла.

Сердечное, советское, солдатское спасибо (я прослужил в Советской армии три незабываемых года срочной службы) всем, причастным к созданию и выпуску в свет этой книги.

Роберт БАЛАКШИН,
Лауреат Государственной премии
Вологодской области по литературе

Ольга ФОКИНА

ПРОСТЫЕ ЗВУКИ
РОДИНЫ МОЕЙ

* * *

Живу легко. Не мыслю и вперед,
Как о пирате, думать о собрате:
Моих грибов никто не соберет,
Моих стихов никто не перехватит.
Я не мудра и даже не хитра,
Но хитростями прочих не прельщаюсь,
И в лес уйдя хоть в полдень, хоть с утра,
Порожняком домой не возвращаюсь.
Мне что до тех, кто дальше пробежал
Сшибать росу с серебряных метличин?
Ведь первая прилесная межа
Уже маячит звездами лисичек!
А за межей — нарядный мухомор
С боровиком соседство обозначил,
И рыжиков сосновый коридор
Как от кого, а от меня не спрячет.
Не знаю тайн, не верю в колдовство,
К потусторонним силам не зываю,
Но всей душой природы естество
Люблю!
И нелюбимой не бываю.

* * *

Как же ты пахнешь, сырая земля!
Этот бы пласт, перевернутый плугом,
Взять в обе руки и есть, не соля,
Не оснащая ни медом, ни луком.
Как же ты тянешь, родная земля,
В эти пласты, как в ладони родимой,
Ткнуться лицом, ни о чем не моля,
Лишь бы с любимой — неразделимо.
Лишь бы ответить теплом на тепло...
Плакать мне — не о чем, каяться — не в чем.
Знаешь сама: где тебе тяжело,
Детям твоим достается не легче.
Каждый мой шаг — у тебя на груди,
С самого первого детского следа...
Что позабыто мной — разбереди,
А сомневаешься в чем — исповедуй.
Песню ли в голос, часы ли молчком,
Все разберешь — переводчик не нужен:
Ты — без асфальта, и я — босиком,
Ты — из-под снега, и я — после стужи.

* * *

В цветной бумажке розовое мыло,
Ты пахнешь чем-то очень дорогим,
Ты пахнешь чем-то несказанно милым,
Но — чем же? Память, память, помоги!
Чуть уловимый запах земляники,
Едва заметный — ржи и васильков,
И аромат лесных тропинок диких,
И душный мёд некошенных лугов,
И — вместе всё... Когда такое было?
Но память вновь меня не подвела:
Ты пахнешь детством, розовое мыло!
Как позабыть об этом я смогла?
Была война. Дымы больших пожаров
Не залетали в нашу глухомань,
Но как-то в сельсовет пришёл подарок,
Пришла посылка с надписью: «Для бань».
Я материнских глаз не позабыла,
Они светились, радовались так,
Как будто дали нам не кубик мыла,
А самородок золота с кулак.
...Намытое, давно скрипело тело,
Уж мать в предбанник выносила таз,
Но открывать я долго не хотела
Зажмуренных от мыльной пены глаз.
Тогда впервые за четыре года
Запахло снова тёплым молоком,
И белым хлебом, и тягучим мёдом,
И васильками, и живым отцом.

* * *

Сергею Видулову

Дорога не запоминается,
Пока идешь за кем-то след,
Но все отчаянно меняется,
Коль провожатых рядом нет.
Вооружаешься советами

Того, кто там хоть раз прошел,
И в узелок кладешь, что следует,
Чтоб был ни легок, ни тяжел.
И спать невмочь перед дорогом,
И просыпаться в ночи,
Охвачен сильною тревогой
Без основательных причин.
А, впрочем, есть причины веские:
Тебе придется выбирать —
По берегу иль перелесками
В деревню к бабушке шагать.
И быть придется зрячей зрячего,
Чтоб углядеть, не пропустить
Тропу, где первый раз сворачивать,
Ручей, где переход мостить.
Угор, который осыпается
В реки немеряную глубь,
Дупло, в котором осы парятся,
Все время в памяти голубь.
И так умают эти малости,
Что доберешься — краше в гроб!
И бабушка всплакнет от жалости,
Прижав к себе твой влажный лоб.
Наносит стол печенья-стряпанья —
Хватило б на десятерых! —
Достанет все, что было спрятано,
Прибережено до поры.
А и еда в тебя не катится!
Ты сам немало удивлен...
И шумно бабушка спохватится:
«Бывай, пирог недосолен?
Недопечена, может, шанежка?»
Дак ты другие-то ломай!
Вишь, под-от выломался, батюшко:
Что посадишь — хоть не вымай!»
...Когда воротишься от бабушки,
Труднее будет позабыть
Не шанежки ее, оладушки,
А тропок спутанную нить,
Березки, сосенки приметные,
Оврага сумрачную жуть
И то желание секретное —
Обратно к маме повернуть;
И слезы страха, и отчаянье,
И несочувствие грозы,
И леса строгое молчание,
И легкий выпорх стрекозы...
Тебя не очень будут спрашивать,
Как шел. Поняв одно: не трус!
Доверят завтра брата младшего,
А также младшую сестру.
Обуешь их в свои сандалики
(А сам — босой: уже большой!)
И поведешь... и будет маленьким
С тобой в дороге — хорошо.

* * *

Станут слезы комом в горле —
Удержи их, убеди:
Это горюшко — не горе,
Горе будет впереди.
Приструни себя поестче,
Поговорку призови:
Хорошо-то наживешься,
Ты, брат, худо поживи!
Дай себя на перевязку
Песне, певанной отцом,
Вспомни материну сказку
С утешительным концом.
И минует черный вечер,
И пробьется светлый луч,
И тепло, по-человечьи,
Глянет небо из-за туч.
Близорукий, станешь зорким,
И опять вздохнешь легко:
Когда горе станет горкой,
С горки видно далеко.

* * *

Стихи отдать в печать —
Что дочку замуж выдать:
Тут радость и печаль,
Тут гордость и обида:

Достоин ли жених?
Да ладна ли невеста?
И — самый главный стих —
Любовь меж ними есть ли?
Я, как любая мать,
Мечусь, ревную, мучаюсь,
Спешу подозревать
Безрадостную участь.
И, вольная пока
От участи избавить,
Хочу стихи в руках
В своих — навек оставить.
Но, как любая дочь,
Круты и своенравны,
Стихи в глухую ночь
Сбегают к переправам,
Сбегают к поездам,
Сбегают к самолетам,
Им скучно возле мамы —
Им на люди охота.
Хотят своей судьбы —
Неведомой, отдельной,
Хотя порой слепы
И не могутны в теле.
Не нюхавшие бед,
Они еще бесстрашны:
И на «Останьтесь!» —
«Нет!» —
Ответствуют отважно.
Уходят прозревать
И крепнуть на народе...
Стихи отдав в печать
Потом — не жить, а вроде
На плахи-топоры,
На камни — что случится!
С отчаянной горы,
Закрыв глаза, катиться.

* * *

Спугнула утку с селезнем
С речного серебра,
Но вновь они уселись —
Прощаться не пора.
Им не пора, но времечко!
Совсем не то, что нам:
Как шелухе от семечек —
По разным сторонам...
Порадуюсь на парочку,
Тихонько обойду
По заречью, по-за ручью,
По тающему льду:
Не опасайтесь, плавайте!
Я реченьку свою,
Свои озера-заводи
Вам с миром отдаю.
Пойду другой дорогой —
Мне все равно, какой.
С разбуженной тревогой,
С растущей тоской.
Сквозь елок иглы хмурые
Насильно продерусь,
На них оставлю бурую,
Как мох, седую грусть.
Снежныцы-поовражныцы
Не раз черпну в сапог —
Забудется, уляжется
Непрошенный намек.
Нам тоже песни пелися
В отпущенные дни!
Спугнула утку с селезнем..
Да не меня ль — они?

* * *

Простые звуки родины моей:
Реки неугомонной бормотанье
Да гулкое лесное кукованье
Под шорох созревающих полей.
Простые краски северных широт:
Румяный клевер, лен голубоватый,
Да солнца блеск, немного виноватый,
Да облака, плывущие вразброд.
Плывут неторопливо, словно ждут,
Что я рванусь за ними, как когда-то...
Но мне, теперь не меньше их крылатой,
Мне все равно, куда они плывут.
Мне все равно, какую из земель
Они с высот лазурных облюбуют,
Какие океаны околдуют
И соберут их звонкую капель.
Сию одну на тихом берегу,
Варю картошку на родном огнище,
И радость ходит по душе и брызжет,
Как этот кипяток по чугунку.
Другим без сожаленья отдаю
Иных земель занятные картинки.
...И падают веселые дождейки
На голову счастливую мою.

ПОЭЗИЯ. XXI ВЕК

* * *

Эти огромные, эти прозрачные,
Только из света и воздуха дни!
...Рвали цветы, загорали, рыбачили,
Сеяли, были в гостях у родни —
Всё ещё день!
...Обежали любимые
Пожни, угоры, полянки в лесу,
Баню потом изготовили, вымылись —
Всё ещё день!
...Пережили грозу,
В дождь насккалились, по лужам набегались,
Вымокли, высохли, ладим костёр —
Всё ещё только сегодня приехали:
След от колёс на дороге не стёрт.
Кажется-чудится: солнце заблудится
И не уснёт за лесным бугорком,
Что-то ещё непременно сбудется
И не закончится день костерком.

ВОЛОГДЕ

Соборы величавые,
Из труб дымки курчавые,
И берега с ледянками,
И ребятишки с санками.
В снегу березы белые
Стоят заиндевелые,
И нет на свете города
Белей, чем город Вологда.

Когда же ливни вешние
Прольются над скворечнями
И тополя с березами
Сомкнут листву под грозами,
В листве с полета птичьего
Не разглядеть наличников,
Ведь зеленой, чем Вологда,
Нигде не встретишь города.

А как не спеть об осени
С рябиновыми гроздьями,
С пылающими астрами,
С груздями-алебастрами,
Когда брусника — насыпью,
А жаравица — россыпью!
И нет на свете города
Щедрей, чем город Вологда.

...Опять слетелись голуби
Попить воды из проруби,
Все умники, все книжники
Опять сегодня — лыжники!
И нам от ветра встречного
Опять беречься нечего:
Ведь нет на свете города
Теплей, чем город Вологда.

* * *

Я с детства живу борьбою,
Забыв про словцо «везет».
Мне все достается с бою,
Но мне достается — все.
Сегодня — темно и трудно,
И разум уже не прочь
В своей правоте минутной
Оставить — и эту ночь,
Холодную без просвета,
Дождливую — без надежд,
И утлую баньку эту,
Где бьюсь я за свой рубеж.
Ведь рядом — дорог развилка,
К чему мне тоска деревень?
...Качнет язычком коптилка,
В углу шевельнется тень,
И ветер замрет, присвистнув,
И вззоет вдали опять.
И встану я, зубы стиснув,
И сяду к столу опять.
Не надо скулить, погода,
Не надо скулить, поверь!
Не лучше ли для восхода
Попробовать сделать дверь?
Попробуем сдвинуть тучи,
И пусть посветит во мгле
Надежда, что каждый лучик
К утру заблестит на земле,
Что солнце взойдет, не прячась,
Что счастье — любому листу...
Я верю в свою удачу,
Я верю в свою звезду.
Я с детства живу борьбою,
Забыв про словцо «везет».
Мне все достается с бою,
Но мне достается — все!

* * *

Взяла тоска за ворот —
Ни вдоха, ни выдоха!
Рванулась я за город
На поиски выхода.

Попала я в заросли —
Густы, многоярусны,
С крапивой до пояса,
С водицею понизу.
Мешали, мешались,
Бесили, бесилили
Шиповник, ольшаники,
Ивняк да осинники.
На склоне большого дня —
Довольна ль смотринами? —
Пытала, глумясь, меня
Орда комариная.
Попала я в заросли,
Не чаяла выбраться...
Вдруг тронуло за руку,
Коснулось на миг лица,
Коснулось в моей душе
Такого пресветлого,
Чего не вернуть уже
Ни солнцем, ни ветрами.
Такому, знать, молятся,
На это, знать, крестятся...
Нет, не наособицу —
Среди чернолесицы
Стояла черемуха —
Как с неба свалилася! —
Стояла черемуха
И не шевелилася!
Как облако, белая:
Всё — цвет! Листьев не было.
И тихо запела я,
И цвету себе взяла:
Попахни, черемуха,
Родимой сторонущкой,
Лежалой соломушкой,
Шершавой коровушкой,
Метеною улочкой,
Осевшим крылечиком,
Прошедшим и будущим
Теплом человеческим...

ЧЕРЕМУХА

Черемуха за старым огородом —
Единственная память об отце...

Он был тогда безусым, безбородым,
С улыбкой на обветренном лице,
Колхозный бригадир. Вернувшись с поля,
Шагал на речку мыться, а потом,
Перекусив ржаного хлеба с солью,
Полено брал, да нож, да долото,—
В траву катились стружки-завитушки,
Как волосы дочуркины, белы,
И начинали новые игрушки
В избе сосновой обживать углы:
И пахарь с плугом, и косарь с горбушей,
И кузнецы, и лодка в два весла,
И пильщик, никогда не устающий...
Но тех игрушек я не сберегла.

По веснам спать отцу мешали утки:
Хватал ружье, но приходил ни с чем.
Увидел раз: черемухе-малютке
Все корни обнажил шальной ручей,
На корточки присев перед бедняжкой,
Руками землю талую разрыл
И осторожно, в новую фуражку
Земли насыпав, кустик посадил.
Понес домой. Болталось за плечами
С травинкою на мушке, дулом вниз —
Ружье. В полях, усеянных грачами,
Навстречу поднимался шум и свист.
Соседки озирались удивленно,
Посмеивались в горсти мужики:
«Охотимся?» —
А он шагал смущенный,
И мокрые блестели сапоги.

...А вот и дом!

И радостное: «Тя-тя-тя!» —
Несется из распахнутых ворот.
По звонким лужам обгоняя братьев,
Я первая взлетаю на небосвод.
Сердита мать: «Не надоело шляться?»
Но он, смеясь, упреки ответит:
«Черемухи ребята наедятся,—
Давай посадим кустик в огород!»

...Мы были одинаковые ростом
С черемухой. Той ласковой весной
Жилось мне так легко, светло и просто!
В какой из дней в наш тихий край лесной
Пришла война, об этом я не знала...
Должно быть, в толстой сумке почтальон
Ее принес. И вот, отца не стало:
С котомкой подбегал к подводе он,
Когда, в постельке с тополиным пухом,
Проснулась я, крича: «Меня забыл!» —
Но лишь ушанка свесившимся ухом
Махнула мне с отцовской головы.

День ото дня все тише, тише, тише
Звенели в доме наши голоса,
Все чаще протекала наша крыша
И от лучины плакали глаза.
На праздник больше не варили пива,
Для песни мать не разжимала губ.
Она утрами стала жать крапиву,
Чтоб хоть какой-нибудь сготовить суп.
Не жгла крапива высохшие руки,
Бессонные, не видели глаза,
Когда с крапивой вместе серп срезал
Черемуховый стебелек упругий.
Но в этот день горька была похлебка
И запах был черемуховый в ней.
Хлебнув, мы ложки положили робко
И сразу стали старше и умней.
Потом, до слез ровесницу жалея,
Вплоть до морозов я сбивалась с ног,
Тайком от всех из родника Илей
Носила воду — поливать пенек.
«Живым» родник Илею называли!..
Но делать чудо медлила вода,
И хлеб, вкусней которого едва ли
На свете было что-нибудь тогда,
Я сберегала, чтобы им, как клею,
С пенечком чужую ветвь соединить.
И ленточку, шиповника алее,
Я выплела — черемуху обвить.
Но были все труды мои нехстати:
Не зеленеть же листьям в ноябре!
И как-то неожиданное: «Хватит!» —
Меня хлестнуло около дверей.
«Садись за зыбку! Рвать обутки хватит!»
Но, от обиды вдвое став смелей,
Я возразила матери: «А тятя
Ведь спросит о черемухе своей?» —
Не разобрав, мать плачет иль смеется,
В большом корыте тиская белье,
Я услышала: «Тятка не вернется
И никогда не спросит про нее».

...А новый день был так лучист и светел!
Плясал и пел, и плакал сельсовет.
И громче всех, смеясь, кричали дети:
«Сегодня — мир! Войны сегодня нет!» —
Как голубело небо над домами!
Как небывало вкусно пах шесток!
Но я опять не угодила маме,
Воскликнув: «На черемухе — листок!»

...Прислушиваясь к шумным вешним водам.
Стою в раздумье на родном крыльце:
Черемуха за старым огородом —
Единственная память об отце.
Во всей красе над нею небо мая!
Счастливых слез свиданья не тая,
Меня седая мама обнимает,
Седую маму обнимаю я.
Вершинкою, поднявшейся над крышей,
Черемуха кивает ей и мне.
Такого цвета поискать — не сыщешь,
Листвы не встретишь гуще и темней.
Но если каждый красоту заметит,
То не любой поверит и поймет,
За что милей всех запахов на свете
Мне этот пряный горьковатый мед.
И отчего, с черемухой встречаясь,
Я ухожу на много лет назад,
И отчего неволью замечая,
Что ствол ее и крив, и узловат.
Те шрамы — знаки мужества и силы,
Святая память отгремевших дней...

Спи, мой отец! Темна твоя могила.
Но вся в цвету черемуха над ней.

* * *

Брату Володе

Ну, вот и все повывращены дети,
Все пять сынов — при деле. Дожила.
У всех пяти в военном документе
«Мать» — вычеркнуто. Вписано — «жена».
Освободили, значит, ствол от веток.
Теперь, не приведи Бог, воевать,
То защищать сынам — жену и деток,
Жену и деток, значит, — а не мать.
А на кого ж сыны ее покинут?
Тридцатый год в земле ее солдат...
Да за нее все пять по сердцу вынут,
Не спрашивая почестей-наград.
И что, ну что им эти циркуляры,
О коих и не ведает она?
Одной семьей сидят за самоваром,
Чаяк, налитый ею, пьют до дна.
И нет конца сердечным разговорам,
Одна на всех, печется о любом...
Она для них — бессменная опора,
Пример добра, невыстуженный дом.
Но я опять к тому, о чем в начале:
Главвоенком! Нельзя ли приказать,
Чтоб слово «мать» сыночкам не черкали.
Подчеркивали чтобы слово «мать»!

АНТОЛОГИЯ ВОЛОГДСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Непешин Борис Сергеевич (19.10.1904, Вологда — 18.11.1982, Вологда) — поэт, библиофил, краевед. Родился в семье священника и краеведа С. А. Непешина. С 1924 печатался в местных изданиях «Красный Север», «Юный строитель», с 1925 — в центральных газетах «Комсомольская правда», «Красная газета», «Красная звезда». Один из организаторов и участников вологодской литературной группы «Борьба». В 1920–1930-х годах в Вологде и Архангельске выходили его поэтические сборники. В 1930 году был избран членом правлений РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) и ЛОКАФ (литературное объединение Красной Армии и Флота). После окончания командирской школы культработников Б. С. Непешин заведовал библиотекой Дома Красной Армии в Вологде, работал также в Доме Красной Армии 10-й стрелковой дивизии. В 1937 арестован по политическому обвинению и осужден на восемь лет лагерей и последующую ссылку. В 1956 реабилитирован «за отсутствием состава преступления». С 1952 по 1971 работал в Вологодском облкниготорге. По инициативе Непешина был создан клуб вологодских книголюбов «Субботние встречи». В 1960–1970-е годы публиковался в центральной печати («Литературная Россия», «В мире книг», «Книжное обозрение», «Альманах библиофила»). Посмертно издана книга: Стихотворения. Воспоминания. Вологда, 1997. Изд.: Брызги: Стихи. Вологда, 1927; Северный ветер: Стихи. Архангельск, 1930; Под красной звездой. Вологда, 1929.

~ О ПЕСНЕ ~

Какая радость жить и петь,
И песней жизнь до капли выпить.
Недаром нам дано кипеть,
Кипенье дням весенним выпеть.

И разве те, кому пою,
Не улыбнутся мне — такому
За то, что сердце отдаю
Звучанью песни дорогом.

Звени, звени, упругий стих
Желанной нежностью и силой,
Чтоб все порывы молодых
И думы старых покорила.

Ах, эта песенная звень!
Где песни край и где начало...
Всё отголоском вторит день,
Хотя б и песня замолчала.

От песни некуда уйти
(Ведь даже грусть мы дарим другу)
И нам на жизненном пути
Она протягивает руку.

По той же солнечной тропе
Пройду и я, как все поэты,
С мечтой — когда-нибудь пропеть
О несказанном, непропетом.

— Ну и обед сегодня завернули...
Так-то их через колено...

— И не говори — что покушал, что музыку послушал! Лучше бы сухим пайком выдали.

Сразу же раздалось несколько возмущённых голосов:

— Да, выдадут сухим пайком — жди!

— Они же за эту тушёнку удавятся... Зря, что ли, вчера Валентина, на ночь глядя, с полной сумкой куда-то из общаги урыла? Стопудово — на рынок к «хачикам»: сахар да тушёнку сдавать.

— Это точно...

С высоты двадцать второго этажа Москва мало чем отличалась от любого, даже пусть небольшого, современного города. Те же коробки домов, серыми квадратиками выступающие из-за надоедливой пелены нескончаемого дождика, та же буйная желтизна листопада, те же люди, спешащие куда-то... Особенно здесь, в Свиблово, где ещё не успели понастроить сорокаэтажных монстров, казалось, что это и не Москва вовсе, а какой-нибудь Тольятти или Череповец. Слева виднелась узкая ленточка Яузы, с не забетонированными пока ещё берегами, какие-то гаражи, строения... А внизу, прямо за забором строящегося дома, кипел и выплёскивал эмоции мини-рынок. Даже сюда изредка доносило гортанные крики продавцов-южан, да забористый матерок подвыпивших грузчиков.

В контейнере у электриков, что находился прямо на перекрытии недавно отлитого этажа, сидели несколько строителей-монолитчиков и дружно ругали сегодняшней обед. Ругать, действительно, было за что. Жиденькую бурду никто, даже приблизительно, не смог бы назвать супом, а к порошковому пюре совсем забыли дать окорочка. Повариха Валентина клялась и божились, что окорочка по ошибке отвезли на другой объект, но вечером, мол, они их получат вместе с ужином. В общем, у злых и голодных мужиков все разговоры, конечно же, крутились сейчас вокруг еды.

Сварщик Коля, поудобней устроившись на лавке, закурил и, ни к кому конкретно не обращаясь, сказал:

— Вчера Фёдоровна в общаге Валеру Маслова пьяным заловила.

— Ну? — удивились все. — Расскажи.

— Да он по лестнице спускался — видимо, на работу в ночь...

— Точно — датенький вчера пришёл, — обрадовался Стопгайда, пожилой хохол, звеньевой монтажников. — Сам видел. Я ему ещё говорю...

Но что там говорил Стопгайда Маслову, никого не интересовало. Да и говорил он пьяным всегда одно и то же: «Шо, хлопче, — пьян? Смотри, пьяных Москва любить. Развернулся на сто восемьдесят оборотов и пшёл вон. За

забором таких-то много...». Гораздо интереснее мужикам было послушать, как Наталья Фёдоровна — замещающая в данное время приболевшего коменданта общежития Геннадьича — относится к фактам выпивки. Поэтому электрик Саня бесцеремонно перебил Стопгайду:

— Да погоди ты орать — дай человека послушать. Чего там, Колёк, с Масловым-то?

— Ну, вот — спускается он со второго этажа, а Фёдоровна ему навстречу. Поприныхалась, да и тормознула его. Спрашивает: «Пьяный?»

— Да пьяный он был. Отвечаю... — завёлся опять Стопгайда.

Александр ЛОМКОВСКИЙ

ИЗ ЖИЗНИ УСТРИЦ

Рассказ

— Ну, можешь ты помолчать, ба-лаболка? — напустились на него мужики. — Сейчас, вот, из контейнера вышвырнем. Дай дорассказывать-то. Давай, Коль...

Коля, как будто ничего и не произошло, продолжал:

— Спрашивает — пьяный, мол? А тот стоит, за перила уцепился, чтоб не шатало, значит, да так серьёзно и заявляет — я, говорит, не пьяный. Я — голодный...

Громовой хохот прервал рассказ:

— А-ха-ха!

— Ой, мамочки, не могу! Голодный...

— Ох, от голода бедолагу шатает. Молодец, Маслов!

После такой эмоциональной разрядки все теперь потянулись за сигаретами. Покурить, так хоть в пузе урчать меньше станет.

Саня хитро прищурился и запанибратски хлопнул Стопгайду по плечу.

— Да у тебя, Гайда, вечно в брюхе урчит. Удивляюсь — как это ещё штаны сзади не порвались?

Все снова засмеялись, причём Стопгайда ржал даже громче остальных.

— А ему жена заплату туда посадила, — смеясь, выдал рыжий штукатур Андрюха, которого все звали Баксом.

— Куда заплату? — серьёзно спросил Колёк. — На штаны или на задницу?

Стены контейнера снова содрогнулись от хохота.

— И на задницу, и на передницу! —

веселясь, воскликнул Бакс. — Чтоб, значит, не блудил нигде на Москве.

— Ну, правильно. А то, как тот плотник кинешемский стройку с Тверской попутает...

Все уже позабыли о плохом обеде и курили, незлобиво подтрунивая друг над другом. Но тут, практичный, как и все хохлы, Стопгайда, снова умудрился подпортить настроение.

— Интересно, а окорочка за ужином выдадут?

— Вот неугомонный-то, — Колёк даже сплюнул. — Я не врублюсь чего-то — ты голодный или пьяный?

Мужиков снова согнуло от смеха.

Колёк усиленно потирал лоб и морщил брови. Как видно, ничего в голову ему не приходило.

— Бритвочку могу разжевать, — наконец сказал он.

— Ой, да на моих глазах корешок слопал половину гранёного стакана — да и то ничего, — взял реванш за ананас Бакс. — А с чего ты разговор-то такой затеял? — обратился он к Стопгайде. — Сам-то, чего? Хвост, что ли, сожрал от кометы?

Стопгайда блаженно зажмурился, словно котяра на солнцепёке, облизнулся и выговорил по слогам: — Устри-цы...

— Устрицы. Вишь ты, чего... — задумался Колёк. — Не едал.

— Да уж, — позавидовал Бакс. — Сильная тема!

— Буржуйская хавка, — подытожил Саня. — И где же ты их употреблял — в Лозанне или Марселе?

— Вот ещё, — отозвался Гайда. — У нас в Донецке, в ресторане.

— Однако, — протянул Колёк. — На чего хоть похожи-то? С клешнями которые или те, что лап до фига?

— Понимал бы чего, — даже обиделся Стопгайда. — Устрицы — это, как... ну, в общем, как перловицы наши. Ну, раковины, какие в речках по дну шастают, только побольше чутка. Вот, на тарелку её вываливаешь, берёшь лимон, режешь его и сок давишь. Потом этим же соком ляпаешь ту устрицу. А она, подлая, как сок на неё попадает, пищит и лезет под тарелку. А ты её вилочкой такой специальной ловишь...

— Чего?! — вытарашил глаза Саня. — Пищит и лезет под тарелку?!

Казалось, что от смеха контейнер развалится на части. Иногда смех затихал, но стоило мужикам взглянуть на обиженную физиономию Стопгайды, как новые взрывы хохота сотрясали воздух. Привлечённый смехом к контейнеру подошёл бригадир Зелёный.

— Вы чего это? — спросил он, открывая двери. — Обед десять минут назад кончился. Работать, орлы! И, кстати, — обронил он, — тут окорочка заныканные привезли. Перерыв часика через два устроим и попьём чай. И окорочка заодно...

— Обещали отдать! — тут же подскокил Стопгайда к Сане и Баксу.

— Да ешь, ешь, приятель! Это тебе вместо устриц. Колёк и вилочку тебе специальную сварит, чтобы из тарелки их вылавливать, — засмеялся Саня.

А Бакс тут же добавил:

— Ты их компотиком польёшь, они закудахчут и начнут в разные стороны разбегаться. Тогда не зевай...

— Да пошли вы, — пробурчал Стопгайда и, поправив монтажный пояс, поспешил на сборку щитов.

Андрей ЛУШНИКОВ

КАК РОЖДАЕТСЯ РОСА

Лушников Андрей Евстафьевич родился в 1964 году в Алтайском крае. Окончил факультет журналистики АлтГУ (г. Барнаул), работал журналистом. Автор трех сборников стихов и прозы, публиковался в журнальной периодике Алтайского края. Член Союза писателей России. С 2012 года живет в Вологде.

ВСТРЕЧА С ТИШИНОЮ

И будет радость многоликой,
И будет небо звать поэтов,
И будет лес глядеть черникой,
Взгляд будет темно-фиолетов.

И будут облаков причуды
Лежать над лесом снежной грудой
И в одиночества запруды
С рекой вплывут широкогрудой,

И к морю вынесут с волною
Живой воды, воды нетленной,
Коль будет встреча с тишиною
Души усталой и смятенной.

СВЕЧА

Чтоб узнать, что там в ночи —
Надо тень прогнать воронью —
Огонек хранить свечи,
Прикрывать его ладонью.

И туда, где света нет,
Проносить его тропинкой
Мимо горестей и бед
Чуть дрожащею сурдинкой.

Слушать ночи голоса,
И увидеть в этом свете
Как рождается роса,
Как растут грибы и дети.

* * *

Если вдруг молва пойдет по следу,
Я надену старое пальто,
В деревеньку дальнюю уеду,
Где не знает и не ждет никто.

И вот здесь, в моей тоске высокой,
Я на быт не стану притязать.
Спрячусь где-то над речной протокой,
Чтобы тихо раны зализать.

Посижу в заброшенной лодчонке,
Улыбнусь у роши соловью.
И совсем простому мужичонке
Душу распахну и изолью.

Расскажу обиды, сердцем тлея.
И ответит скромный старожил,
Головой кивая и жалея:
— Коль обижен — значит, заслужил.

И как будто повернется ворот,
Словно окажусь перед дверьми.
Я назад к себе поеду в город
Примиряться с Богом и людьми.

СОН

Человек устал и спит,
Щеку подперев руками,
А душа его парит
С кучевыми облаками.

А душа не устает —
Здесь кругом все, кто любимы:
Мама, папа, брат и кот,
Ангелы и херувимы.

Не настал пока рассвет
Ходит в облаках беспечность.
Спящему всего пять лет,
Впереди вся жизнь и вечность.

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

Укрывшись в кустах краснотала,
В лесной потаенной глуши
Когда-то оно здесь блистало,
Как зеркало чистой души.

И в небе оно ненароком
Собой отражалось стократ.
И в лодке в раздумье глубоком
Сидел деревенский Сократ.

Теперь здесь над берегом тряско,
Воды не коснется весло,
Высоким рогозом и ряской
Все озеро то заросло.

Как будто терпя поражение,
С затынутым ряской лицом,
Без синих небес отраженья
Лежит оно тут мертвецом...

Душой чтобы здесь отогреться.
Оно потому и мертво,
Что некому больше глядеться
В глубокие воды его.

ПРИШЕСТВИЕ ДОЖДЯ

Сегодня у неба с землей поединок,
Как будто меж ними и мир не лежит.
От первого грома — до первых дождинок
Душа под зонтом тишину сторожит.

И ждет откровенья небесной конторы,
В которой прядут эту влажную нить,
И будто бы запросто, вниз по которой
Спускаются ангелы к нам погостить.

Они опускают крылатые плечи
И тихие песни поют здесь о том,
Что там, за дождем, ждут случайные встречи
Всех, кто в одиночку идет под зонтом.

И я уж подумал, что дождь — на удачу,
Но вдруг подошел ко мне мальчик белес
И тихо промолвил: «То ангелы плачут».
И поднял глаза к небу полные слез.

Сегодня у неба с землей поединок,
Как будто меж ними и мир не лежит.
От первого грома — до первых дождинок
Душа под зонтом тишиной дорожит.

ПРОЩАНИЕ С КЛЁНОМ

Здесь лета наследство осталось
Блистать в голубом да зеленом,
Но осень уже расплескалась
Над век доживающим кленом.

Не как фарисей или книжник,
Вот этой сентябрьскою ранью,
Как будто монах иль подвижник,
Готовится он к умиранью.

И с неба уж брошена сходня —
Стоит он весь в солнечном свете
И локоть его чуть приподнят
В последнем прощальном привете.

Он шлет уходящему веку
Листвы обожженную ярость.
Вот каждому бы человеку
Такую красивую старость.

ЛЕСНАЯ РЫБАЛКА

Мой друг — большой художник,
Не любит унывать,
Ковыль и подорожник
Он ездит рисовать

К степным народам братским,
Не заезжая в лес.
К моим делам рыбацким
Явил вдруг интерес.

Мы удочку купили.
Ну, вот и он рыбак!
В машину погрузили
Все снасти и подсак.

Как будто бы навесом,
Над нами облака,
Пять километров лесом —
И вот она река.

Разводит он руками,
И озорны глаза,
Когда над поплавами
Зависнет стрекоза,

Когда вздохнут осины,
Над речкой наклонясь,
И шевельнет глубины
Сорога или язь.

Добыча — три подъязка
Да только семь сорог.
Он шепчет: «Это — сказка
Среди лесных дорог!»

В альбоме — зарисовки,
Затуплен карандаш,
Домой без остановки
Поет он «Отче наш».

НА ПОКОСЕ

Вот здесь, треугольным обрезком,
Росистые травы свежи.
А там, дальше — за перелеском
Поля зеленеющей ржи.

Сегодня я здесь на покосе,
Косой моя сбита рука —
В насущном крестьянском вопросе
Я плаваю мелко пока...

Зато колоссальным заделом
В кармане лежит оселок.
И я за простым этим делом
Уже основательно взмок.

В густом ивняке, над росой
Нешадно поют соловьи
И кажется, как под косяю,
Ложатся все беды мои.

И сердце, как прежде, в надеждах,
Я этим простором объят.
Но кто там, в блестящих одеждах
С серпами у поля стоят?

...Мы поставили палатку в расселине, которая решительно разрезала берега. Видимо, по весне она собирала талые воды в ручей, который стремительно скатывался с высоты, выгрызая в берегах распадок, который сейчас буyno зарастал травой и мелким кустарником.

Здесь можно было насобирать хворосту на костер и скрыться от ветров. Буквально в пяти метрах от нас нащепывала свои сказки древняя Сухона, за излучиной шелестел источник. Все было тихо и покойно.

Мы запалили теплинку, быстро сварганили на ней макароны по-флотски, чай, поужинали не торопясь, и сели у потухшего костра послушать тишину.

Дед Кронид утверждал, что это место обладает удивительной энергетикой, которая заряжает человека и наполняет его возвышенными чувствами...

То, что место это энергетическое, мы почувствовали сразу же. Несмотря на утомительный путь, вода из Сухоны, эти слоистые берега, которые местное население называет слудами, восстановили наши силы, и спать совсем не хотелось.

Мы прошли приплеском. Под нашими ногами хрустела береговая осыпь. Мы попирали ногами миллионы и миллионы лет нашей планеты, и от этого чувствовали некоторое неудобство.

А потому мы повернули и пошли к палатке. В это время над нами послышался шорох осыпи, словно кто-то спускался по выступам мергелей вниз к реке.

Мы с Санькой замерли. Но все было тихо: ни звука, ни шороха. Мы уже были в спальниках, когда услышали возле палатки какую-то возню, словно кто-то неуклюжий и большой протатился мимо нас.

— Слышишь, Мишка? — прошептал Санька.

— Слышу... Молчи, — остановил я его.

Мы прислушались. Шорох и хруст осыпи был уже у воды. Потом послышался плеск воды. И все стихло.

— Что это было, — спросил Санька. — Может, бобр?

— Бобры на быстрой воде не строят своих колоний.

Мы выглянули наружу, но ничего не увидели, что могло бы объяснить шум и плеск

воды. Над водой зарождался туман, заполняя каньон, как молоко заполняет стакан.

— Может быть, это была выдра?

— Это ж, каких размеров должна она быть? Представляешь, Санька, мне показалось, что рядом с нами прополз к реке настоящий крокодил.

— Никак ты сдрейфил? — посмеялся Санька. — Откуда здесь в северной реке крокодилы...

ИЗ НОВОЙ КНИГИ

Анатолий ЕХАЛОВ

НОЧНЫЕ СТРАХИ

— Вот и я думаю, но не зря же написали в газете, про сухонского монстра? — отвечал я.

Спать почему-то расхотелось. Не спал и Санька, ворочаясь в спальнике.

— Не спишь. Мишка? Ты собирал материал по Пермскому периоду, — сказал он. — Наша палатка сейчас стоит на останках Пермского периода. Что здесь происходило тогда?

Я сел.

— И правда, Санька. Глаза хоть зашивай. Наверное, нас Опоки зарядили энергией. Ладно, давай бодрствовать.

— Расскажи про Пермь. Читал ведь.

Я не стал возражать.

— Ученые пишут, что дно нашей реки — это конец пермского периода и начало триаса — периода вымирания динозавров. И создается такое впечатление, что просуществовав 100 миллионов лет, они вымерли как-то сразу.

— Может быть, какая-то катастрофа вселенского масштаба произошла? — шепотом предположил Санька.

— Может быть. Или комета, или столкновение с астероидом, который поменял положение Земли относительно солнца. Может

быть, мгновенно наступила ядерная зима? Но умирали они, Санька, в одночасье...

— А как ты можешь знать?

— Не про меня речь. Ученые, большие умы над этим вопросом головы ломали. Вот завтра нужно посмотреть, есть ли в берегах Сухоны песчаные линзы. Такая линза говорит о том, что когда-то в этом месте текла древняя река, которая впадала в еще более древнюю Сухону. И вот однажды, предположим, при-

летел астероид, взорвался и взрывной волной уничтожил динозавров. Скорее всего, стада этих гигантов паслись по берегам рек. И вот они погибли массово на этих берегах.

— А что дальше было? — спросил Санька.

— А дальше пришла большая вода, которая смыла тела динозавров и понесла к устью, к месту впадения малой реки в большую. Их было много, этих динозавров, и в устье тела их образовали плотину, которую река постепенно замыкала песком, как сегодня устье Сухоны замыкает песком, а когда плотина эта перекрыла реке путь, та нашла другое русло, а следующие миллионы лет напластовали на эту линзу свои отложения, более твердые.

— Если я правильно понимаю, находка такой песчаной линзы в берегах Сухоны будет говорить о том, что в этом месте можно найти ископаемых динозавров, — догадался Санька.

— Точно так, Санька, — согласился я.

Мы умолкли и прислушались. Похоже, за палаткой разворачивались какие-то события. Слышен был неясный шум и голоса. Мы вылезли на берег туманной реки.

Где-то совсем рядом в молоке разговаривали двое.

— Ты слышал, Васька? Только я проволоку зацепил кошкой, стерлядку подтащил к борту, а из-под воды рядом с моей рукой забулькало и пузыри со дна пошли. Откуда тут пузыри, на течении-то?

— А ну, как это он, Федька? Не успеешь охнуть, как руку тебе напрочь отсечет. Ванька Промет, когда сам на самолывы напоролся, говорил, что видел его. Пасть, что чемодан фибровый. И полна зубов в три ряда.

Невидимые в тумане мужики замолкли. И тут один из них полным ужаса голосом крикнул: — Это он, Федька! Чемодан океанный! Он. Валий надо! Давай по газам...

— Куда по газам, — отвечал дрожащим голосом Федька. — Разобьемся. Не видно ни зги!

— Валий! — истерично закричал Васька. Взревел мотор, слышно было, как лодка рванулась вдоль реки, но где-то через полминуты, услышали мы как она, заскрежетав днищем по камням, вылетела на галечник, еще сильнее взревел мотор и заглох...

— Бежим! — тут же раздалось из тумана. Мы слышали еще какое-то время топот сапогов и шум осыпающихся берегов.

И только все стихло, как над заполненной туманом излучиной и каньоном раздался душераздирающий крик: то ли низкий волчий вой, то ли рев исполинского сохатого, то ли другого неведомого существа, пришедшего к нам из глубин триаса.

— Санька!.. Наверное, так кричали динозавры, когда умирали. Только крик этот был многоголосым, а потому во сто крат ужаснее, — сказал я с замиранием сердца.

Какое-то время с реки доносился осторожный плеск воды, и скоро все стихло. Начинало светать.

— Давай, Мишка, следы посмотрим! — предложил Санька, пришедший в себя. — Вот здесь это чудовище шаршилось по дну высохшего ручья. Вот примятая трава, поломанная ветка.

— Тяжелый, — предположил я, разглядывая следы.

На дне был островочек влажной глины, и я увидел отчетливый след ночного гостя. Это был пятипалый отпечаток с перепонками между пальцами величиной с мою ладонь.

Далее снова была примятая трава, потом опять такой же отпечаток, но уже левосторонний. Ясный и глубокий отпечаток пятипалого существа, направлявшегося к реке...

ГНИЮЩЕЕ ДЕРЕВО

(Фельетон)

АКАДЕМИК Губин А.Е. принял решение выдвигаться в директоры института. Возможность поруководить еще пяток-десяток годков, когда-то чуть ли не своим учреждением, не давала ему покоя. Около двадцати лет он безраздельно, в окружении семьи (сына, жены), проверенных друзей-товарищей, не просто управлял здесь, а — царствовал. Мог любого сотрудника обложить крепким русским словом, причем ни капли не стесняясь, не обращая внимания на окружающих, кто бы перед ним ни был: девушка, женщина, пожилой человек. По любой прихоти, если его не устраивала позиция или не совпадало мнение сотрудника с его точкой зрения, увольнял, выгонял с учреждения, не задумываясь. За время его руководства численность учреждения сократилась почти вдвое, превратив институт в полузакрытую организацию. Руководители, специалисты агропромышленного комплекса области, не говоря об аграрниках Северо-Западного региона, не появлялись в стенах учреждения годами. Многие забыли о его существовании. Главное — блюл себя и семью, свои интересы, частенько, по поводу и без повода, устраивая банкеты. Махнуть несколько стопок водки, причем в рабочее время, было любимым занятием Губина.

Но его коньком был, конечно, талант устраивать скандалы. Причем, беспардонность переходила всякие грани, наглость поведения не оставляла камня на камне от понятия порядочности. Где бы ни появлялся Губин — там обязательно тянулся шлейф скандалов и склок. Нахрапистость и заносчивость — приоритетная черта «выдающегося» ученого, ничего не создавшего и ничего не открывшего, не известного в научных кругах знаковыми разработками, но вырвавшего, для себя, любимого, пожизненное звание академик и стипендию в сто тысяч рублей. Свои знания и научный опыт он строго «оберегал» от окружающего мира, поэтому никто ни в обла-

сти, ни в стране никогда не приглашал этого «члена-корреспондента» и «академика» на семинары, конференции, совещания специалистов-аграрников. Коллеги, имеющие более низкие ученые степени, звания (Рамова И.Н., Валова Ю.Н.) колесили по области, постоянно приглашались в районы, хозяйства, где детально и скрупулезно, общаясь со специалистами, руководителями хозяйств, доносили научные разработки своего института, других научно-исследовательских учреждений России, давая конкретные рекомендации, практические установки. Они, как пчелки, трудились не покладая рук, повышая престиж учреждения, науки в глазах практиков агропромышленного комплекса. Писали статьи, научные трактаты, обязательно вставляя первой фамилию Губина. Так принято в научных кругах. Приглашать «видного» ученого Губина для уточнения стратегического курса развития того или иного агрохозяйства, консультаций, поиска перспективных решений, за последние десять лет, ни в области, ни за ее пределами никто и не собирался — пустое дело! В лучшем случае, вся эта затея может вылиться в пьяное застолье, предпочитаемое «выдающимся ученым», дополнительную финансовую нагрузку предприятию. Пользы никакой, потому и не приглашают. Отсюда скепсис, неверие в саму науку и ее представителей, удостоенных высоких званий. Народ обмелчал, нет Вавиловых, Емельяновых, Никоновых, а есть нынешние представители хваткой, «элитной» исследовательской среды, думающие не о научных результатах, открытиях, а о том, чтобы вскарабкаться, любыми путями, на Академическую Пирамиду! К таким относится и «легендарный» Губин.

В коллективе учреждения, в основном за глаза, постоянно «перемывали» кости бездельнику члену-корреспонденту, а затем академику, занимающемуся профанацией, игрой в научную деятельность, продолжаю-

шему грубить, хамить коллегам, заносчиво относиться к руководству, постоянно пытающемся заглядывать в рюмку, месяцами лечащемуся в областных больницах, так как организм с трудом переносил градусные нагрузки. Возможно, сказывался уже и возраст. Отсюда отрицательные оценки ученых, специалистов учреждения академической верхушки РАН. Пример безобразного отношения к делу, создания видимости научного творчества, постоянный поиск виновных в его неудачах, формировало в коллективе негативное отношение и к миру ученых у молодых сотрудников учреждения. Поголовно, пусть будет несколько грубовато, сотрудники отказывались защищать диссертации, обучаться в аспирантуре. Это лишь одна ячейка научного сообщества, а сколько, возможно, по стране таких коллективов — сотни!

Под стать директору действовала супруга, зачастую являясь на работу в опухшем от перепоя состоянии, от нее за версту несло перегаром. В коллективе все это видели, но зная крутой нрав «хозяйина» помалкивали.

Наверно, так оно и катилось бы дальше, если бы не перестройка Российской Академии Наук, начатая Президентом страны. О похождениях, проделках директора знали в Москве, но все сходило с рук, пока не грянула реформация.

Обиженный на не продление контракта, на многократное отклонение его кандидатуры, когда он подавал на звание академика, работая руководителем института, он являлся членом-корреспондентом РАН, Губин рвал и метал, разоблачая коррумпированную систему выборов в академию.

Действительно, как он рьяно утверждал, сложилась определенная коррумпированная система избрания в Российскую академию наук. Думаю, что он недалек от истины. Помимо детей академиков, родственников, порой просто бездарных, но рвущихся на вершину научной «Пирамиды», продвигались и лица, обладающие большими административными или финансовыми возможностями. Как утверждал Губин, научным корифеям-академикам, чтобы они «правильно» голосовали, заносились солидные суммы «зеленью» (долларами). Эта система функционировала вызываясь открыто. О порядке продвижения знали все, кому не лень! Думаю, в структурах федеральной власти, о творимых безобразиях,

догадываются, а возможно, и знают. Причем в сегодняшних условиях борьбы с коррупцией в России, пресечение подобных явлений — задача одна из важнейших!

Второе «родовое» пятно академии — возраст её членов. Учитывая ежемесячное пособие и престижное звание, в ряды этого высокого научного сообщества, по сложившейся традиции, избираются сотрудники, помимо претендентов, пробившихся с помощью взяток, административного ресурса (правда, сейчас Президент прикрыл эту «лавочку»), у которых сложились доверительные, добрые отношения с действующими членами, но это люди, как правило, в солидном возрасте. Не все из них могут работать по причине состояния здоровья, других житейских моментов, а пробить высокое, авторитетное звание — очень хочется! Исходом всей возни, борьбы является снижение эффективности научного творчества, большие трудности с вовлечением в эту архиважную деятельность талантливого молодежи, отцы и деды которой не являются академиками.

В этой связи вспоминается анекдот: «Товарищ полковник, может ли Ваш сын стать генералом? Нет!» — отвечает он. Почему? У генерала есть свой сын!»

...В этой области человеческих отношений сплошь субъективные оценки и разлитое море корыстных действий. Только слепой не видит происходящего, а глухой не слышит возмущения научной общественности от творимых безобразий. Отсюда — безудержное падение авторитета Российской академии. Шаги, предпринятые Президентом страны, Правительством по переналадке храма нашей науки своевременны, если даже не запоздали, продиктованные объективными причинами. Сомневаться в этом может только заинтересованный в собственном благополучии (любимыми путями) циник или человек, желающий краха российской науки.

Алексей МАКЛАХОВ, профессор кафедры экономики и финансов Вологодского филиала РАНХиГС при Президенте РФ, доктор экономических наук

ОЛИГАРХИЧЕСКИЙ фактор, говоря современным языком, проходит красной нитью через всю отечественную историю. Взаимоотношения между верховной властью и сановными тузами представляют собой достаточно сложный механизм. Меняются эпохи, трансформируются государственные форматы, однако притязания группировок, из коих комплектуется истеблишмент, остаются определяющими в политических раскладах.

Привлекательным центром для значительной части российских верхов всегда являлся Запад, манящий прелестями олигархической вольницы. Для заряженных туда «слуг народа» чаяния простых людей — это довольно абстрактная субстанция, к которой следует относиться чисто ритуально. Последние два с лишним десятилетия, прошедшие на наших глазах, наглядно иллюстрируют эту реальность.

Однако сегодня кланы, расфасовавшие страну, испытывают определённую тревогу. Её причина — набирающий силу президентский курс, нацеленный на национализацию отечественных элит. Западный тренд, коему они с упоением следуют, явно пробуксовывает, уступая место патриотической волне. В этой ситуации олигархический реванш становится вполне осязаемым, нацеленным на восстановление нужного ему статус-кво. В нашей истории такое случалось не раз, а потому любопытно взглянуть, как это происходило ранее.

Начнём с самого известного московского царя — Ивана Грозного, вступившего в противостояние с боярством, которое стремилось превратить страну в свою владетельную вотчину. Конфликт царя с окружением нарастал с начала Ливонской войны, постоянно омрачавшейся переходами приближённых на сторону противника, то есть Польши. Наиболее известен побег князя Андрея Курбского в июне 1564 года. Хотя и до этого происходили не менее крупные изменения.

Так, Иван Бельский пытался бежать, для чего контактировал с администрацией Вильно и даже успел обзавестись королевской охранной грамотой. По той же причине был арестован двоюродный брат Ивана IV князь Василий Глинский. Царский родственник обладал военными сведениями, знал о разговорах в боярской думе, его бегство могло доставить немало проблем. Череду предательств продолжил князь Дмитрий Вишневецкий: ему удалось добраться до короля, принявшего его как родного.

В такой атмосфере эффективность боевых действий не могла быть высокой. На повестку дня встала задача очищения верхов от «верных слуг», что и вошло в историю как знаменитая опричнина. Гнев государя обратился на боярскую аристократию. Ведь та плела интриги, поддерживая связи с врагом, о чём свидетельствовали перехваченные письма польского короля к видным боярам. В них предлагалось схватить царя в ходе поездки по прифронтовой полосе и доставить в Польшу. Реакцию Ивана Грозного на подобное понятие, конечно, несложно. Его царствование — пример успешного противодействия олигархической угрозе, не потому ли этот монарх так невыигрышно запечатлён в анналах истории...

Подобный имидж сопутствовал и императору Павлу I, чьё правление по своему духу чем-то напоминает времена Ивана Грозного, правда, с иным исходом. Внутренняя политика Павла также имела ярко выраженную антидворянскую направленность. Достаточно вспомнить веер указов, серьёзно осложнивших беззаботную жизнь сильных мира сего. Дворянство по-настоящему заставили служить, уклонявшихся приказано было предавать суду, уволенных со службы за проступки велено исключать из дворянских собраний, переход с военной стези на гражданскую ограничивался. Подача всевозможных жалоб для дворян могла происходить только с разрешения губернаторов.

Зато в пику этому намечались заметные послабления крестьянскому сословию. Чего только стоит указ о трёхдневной барщине, вызвавший негодование и ярость помещичьих кругов. Кроме того, земледельцев освободили от ненавистной хлебной подати, им регулярно прощались недоимки. В свете этого отношение дворянской прослойки к Павлу I вполне определённо. Заговор аристократии против императора и явился ответом на эту политическую линию. Известие о его смерти (официально — от апоплексического удара) вызвало у правящего класса с трудом сдерживаемое ликование, а клевета о Павле I отныне будет сопровождать любое упоминание о нём.

Императорскую Россию можно назвать ареной серьёзных олигархических битв. Следует вспомнить Николая I, не избежавшего этих испытаний. Весомая часть его царствования прошла в жёстком противостоянии с командующим Черноморским флотом адмиралом Алексеем Грейгом. Фамильный герб этого выходца из Шотландии украшал девиз: «ударяй метко». Однако ударял он большей частью не на военно-морских, а

дра Казарского с самыми широкими полномочиями. Но тот, добравшись до места, также скоростно отошёл в мир иной.

После таких подготовительных действий Грейг вышел на объяснения с императором. Он напомнил тому о поддержке, оказанной им при нейтрализации декабристского заговора; адмирал деятельно поучаствовал в разгроме «Южного общества декабристов». После чего перешёл к едва скрытым угрозам, намекая в случае давления на него и его приближённых пойти на создание автономии со столицей в городе Николаеве, с перспективой вообще отделения от России.

Заметим, эта угроза не являлась пустым звуком, как может показаться на первый взгляд. За адмиралом и его компанией зримо маячили европейские банкиры, готовые поддержать эту авантюру. Итог: Грейг уходит с Черноморского флота и назначается в Государственный совет с полными гарантиями неприкосновенности, а его подельники убираются восвояси, то есть в Европу. «Джентельменскую» сделку закрепили тем, что крёстным отпрыска доблест-

что близкие к нему люди обогащались с помощью разных концессий и афер — если не они, так другие, почему же не те, к кому он благоволил? Хотя иногда государь пытался, что называется, взбрыкнуть. Например, он резко реагировал на цифры о выявленных убытках, нанесённых семьёй Штиглицев казне: они превысили все мыслимые пределы. Однако назначенный министром финансов — вместо Рейтерна — Самуил Грейг «мягко» озвучил Александру II ультиматум: в случае отдачи Штиглица под суд все европейские банки откажут России в займах.

Но испытать горькую чашу до дна выпало на долю Николая II. Завершающий этап его правления являет собой классический образец олигархического реванша, проходившего под знамёнами фирмы «Братья Нобель». Этот сюжет до сих пор находится вне поля зрения, поскольку в 1990-е имя Нобелей стало своего рода символом либеральной России. Нам с упоением рассказывали, как они построили самую крупную и эффективную компанию в стране.

Однако развитие «Нобелей» происходило рука об руку с Ротшильдами и «Шелл»: вместе они манипулировали ценами на топливо, захватывали инфраструктуру. Страна превратилась для них в дойную корову, с помощью которой устраивалось собственное благополучие в глобальном бизнесе, пренебрегая национальными интересами. Причём откровенное хищничество прикрывалось благотворительностью и гуманитарными проектами.

Государство пыталось переломить ситуацию, реформировать нефтяную отрасль, лишив Нобелей привилегированного положения; это и составило подоплёку разразившегося конфликта. Однако напор властей натолкнулся на серьёзные препятствия. На стороне российских нефтяных олигархов выступили ведущие биржевые площадки Европы, начавшие со своей стороны блокировать действия правительства по урезониванию нобелевских аппетитов.

К тому же на помощь последним поспешило московское купечество, что весьма симптоматично. Глава семейства Эдвард Нобель учреждает вместе с Александром Гучковым и Александром Коноваловым совместные бизнесы. Интерес московских оппозиционеров вполне прагматичен. В случае поражения нефтяного концерна очередь дошла бы и до них, а потому эпопея с Нобелями превращалась в знаковую.

Главной ошибкой тогдашней власти следует признать избыточную оглядку на так называемое общественное мнение, несклонное приветствовать административно-силовые методы. Нобели вышли победителями из этой схватки, что оказалось не только их личным триумфом, но и рубежом, за которым последовал распад государства, стремительно погружавшегося в пучину олигархического разгула.

Сегодня государственная обстановка также далека от благополучия. Олигархический проект, ставший базовым в 1990-е, очевидно, не спасён без боя. Но подавляющая часть общества заинтересована в том, чтобы он канул в лету, без чего национальное возрождение неосуществимо. Уроки прошлого не должны быть преданы забвению.

«Завтра», 2017

Александр ПЫЖИКОВ (Москва)

P.S. Сложность стоящей перед Президентом страны задачи заключается в том, что необходимо одновременно нанести удар по «пятой колонне» во власти и «элите», т. е. сделать то, чего не сделал в свое время Николай II; и осознать всю высоту духовного подвига Царя.

Редакция «ВЛ»

ОБ ИДЕОЛОГИИ ВЛАСТИ

НИЧТО НЕ НОВО...

Олигархические виражи в российской истории

на коммерческих фронтах. Вокруг этого фактического хозяина Причерноморья сбились люди в офицерских и генеральских мундирах, которые лишь прикрывали корыстное нутро, жаждавшее обогащения за государственный счёт. В этой толпе вояк выделялся начальник штаба, греческий уроженец контр-адмирал Критский, державший в руках бюджетные потоки, интендантские поставки.

Однако не только он делил «заботы» по управлению обширным флотским хозяйством. Эту роль с успехом выполняла гражданская жена адмирала Грейга Юлия (Лея), с коей тот познакомился в ходе её визита по делам одесских купеческих поставщиков. Она являлась проводником интересов богатейших дельцов по фамилиям Серебряный и Рафаилович, вкуче с «хлебными королями» российского юга Гильковичем и Гальперсоном.

В первой половине XIX века через черноморские порты шёл огромный экспортно-импортный грузопоток. Здесь процветали торговые дома, банкирские конторы, крутились большие капиталы. Этот лакомый кусок постепенно оказался под контролем предпринимчивого адмирала, его подчинённых и любимой спутницы жизни. Они не ограничивались тотальным воровством при строительстве кораблей, их снабжении, а с энтузиазмом взяли на себя «бремя» покровительства контрабандным перевозкам. Всё это составило финансовое могущество преступной группы.

Масштабы её деяний были замечены Петербургом. Николай I распорядился купировать эту «раковую опухоль». Такая цель была поставлена перед новым Морским министром Сарычевым и главным интендантом ведомства Головиным — заслуженными и честными адмиралами. Но они так и не смогли приступить к выполнению приказа императора, так как оба скончались при неясных обстоятельствах. Их смерть крайне озадачила Николая I, решившего направить на Черноморский флот своего любимого флигель-адъютанта, известного морского офицера Алексан-

ного адмирала, переехавшего в столицу, стал сам Николай I.

Его сын — император Александр II — также сполна вкусил олигархическую вольницу. Не будет преувеличением сказать, что в годы его царствования казна империи фактически находилась под иностранным контролем. По собственному усмотрению ею распоряжалась троица, осевшая на ключевых правительственных постах. Речь о министре финансов Михаиле Рейтерне, его заместителе Самуиле Грейге и главе Государственного банка Александре Штиглице. В лице Грейга мы встречаем того самого выросшего младенца, которого некогда крестил Николай I. Родная сестра новоспечённого заместителя министра оказалась замужем за двоюродным братом Штиглица.

Именно эти финансисты дружно дрижировали разворыванием бюджета, выдавая государственные гарантии по облигациям частных железнодорожных обществ. На эту наживку хлынул поток иностранного капитала, обслуживавший главным образом спекулятивный оборот, а не производственную сферу. Благодаря этой троице зарубежные инвестиции превратились не в фактор мобилизации внутреннего денежного рынка, а в инструмент обогащения избранных, с одной стороны, и обирания казначейства — с другой.

Прибыли отнюдь не вкладывались в страну, а, как правило, выводились за границу. Только за 1866–1875 годы на иностранных биржах (преимущественно берлинской) было реализовано российских облигаций на 500 млн. рублей. От наблюдателей не ускользнул тот факт, что период предпринимательской вакханалии совпадает с укреплением ряда немецких банков и банкирских домов. Например, в 1870-х годах на тесном сотрудничестве с российскими чиновниками и олигархией поднялся один из крупнейших в Германии — «Дойче Банк».

Как же к этому относился Александр II? Судя по внешним признакам, он мирился с таким положением дел. Очевидцы свидетельствуют: сам император находил вполне естественным,

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Сергей ВИКУЛОВ

Викулов Сергей Васильевич (1922–2006) родился в дер. Ямельяновская Белозерского района Вологодской области. Участник Великой Отечественной войны с октября 1942 года, командир зенитно-артиллерийской батареи на Калининском и Сталинградском фронтах. Затем был помощником начальника штаба 247-го армейского зенитно-артиллерийского полка 3-го Украинского фронта, гвардии капитан. За боевые заслуги дважды награждался орденом Красной Звезды. В 1951 году окончил литературный факультет Вологодского государственного педагогического института. Член СП СССР с 1950 года. Член правления СП РСФСР (1985) и СП СССР. Более 20 лет с августа 1968 по 1989 годы С. В. Викулов был главным редактором одного из ведущих журналов страны «Наш современник». За эти годы в «Нашем современнике» были опубликованы такие известные писатели, как: В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин, Ю. Бондарев, В. Лихоносов, Ф. Абрамов, В. Солоухин, Е. Носов, В. Шукшин и многие другие. С. В. Викулов — лауреат Государственной премии РСФСР.

...ПО-СВОЕМУ БУДЕМ ПЕТЬ!

ПИШИТЕ ПИСЬМА МАТЕРЯМ

Поют гитар походных струны
в тайге, в горах, среди морей...
О, сколько вас сегодня, юных,
живет вдали от матерей!

Вы вечно, юные, в дороге —
то там объявитесь, то тут...
А ваши матери в тревоге
вестей от вас все ждут и ждут.

Они считают дни, недели,
слова роняя невпопад...
Коль рано матери седеют —
не только возраст виноват.

И потому, служба солдатом
или скитаясь по морям,
почаще все-таки, ребята,
пишите письма матерям!

ОГЛЯДЫВАЮСЬ
С ГОРДОСТЬЮ НАЗАД

Оглядываюсь с гордостью назад:
прекрасно родовое древо наше!
Кто прадед мой? — Солдат и землепашец.
Кто дед мой? — Землепашец и солдат.
Солдат и землепашец мой отец.
И сам я был солдатом, наконец.

Прямая жизнь у родичей моих.
Мужчины — те в руках своих держали
то плуг, то меч... А бабы — жены их —
солдат земле да пахарей рожали.

Ни генералов нету, ни вельмож
в моём роду. Какие там вельможи...
Мой прадед, так сказать, не вышел рожей,
а дед точь-в-точь был на него похож.

И всё ж я горд, — свидетельствую сам! —
что довожусь тому сословью сыном,
не значится совсем по именам.

Не значится... Но коль немоготу
терпеть ему обиды становилось,
о, как дрожать вельможам доводилось,
шаги его расслышав за версту!

Ничем себя возвысить не хочу.
Я только ветвь на дереве могуем.
Шумит оно, когда клубятся тучи, —
и я шумлю... Молчит — и я молчу.

В ГОРОДЕ НА ВОЛГЕ

Как трудно было умирать
солдатам, помнящим о долге,
в том самом городе на Волге —
глаза навеки закрывать.
Как страшно было умирать:
давно оставлена граница,
а огневая колесница

войны
ещё ни шагу вспять...
Как горько было умирать:
«Чем ты подкошена, Россия?
Чужою силой иль бессильем
своим?» — им так хотелось знать.
А пуще им хотелось знать,
солдатам, помнящим о долге,
чем битва кончится на Волге,
чтоб легче было умирать...

ГЛУХАРЬ

Черный веер хвоста,
дуг надбровных рубины,
по бокам, словно латы,
два сильных крыла,
когти как у орла,
клюв почти ястребиный —
мать-природа ему все с избытком дала.
Научила негромкой, но трепетной речи...
И могучим
сумел он себя осознать!
И остался навеки на диво беспечен:
кто там, что там внизу —
наплевать, наплевать!..
Стают снега в лесу, устоит погода,
он, доверяясь привычной ему высоте,
древний «стих»
основателя, может быть, рода
бормотать начинает еще в темноте:
«Тэк-тэк-тэк!» Запрокинуто жаркое горло,
черный веер распахнут во всю ширину,
и расстегнуты латы, и выгнута гордо
грудь
в ревнивую, в чуткую ту тишину.
«Тэк-тэк-тэк!» Пусть расколется небо
и треснет
под сосною земля! Для него до поры
в мире нет ничего,
кроме собственной песни
и томительной этой любовной игры.
Но на деле — ах, столько веков миновало! —
в мир давно уж на смену бесшумной стреле
громовые, литые пришли самопалы —
сто смертей, коль без промаха,
в каждом стволе!
Ну а он все поет...
Он, как прежде, бормочет
«стих» свой древний —
и слеп в это время, и глух.
И шаги отмеряет к нему между кочек
смерть...
И носясь в воздухе перья да пух,
где упал он. Краснеет брусничинкой спелой
в клюве капля крови... Бледнеет заря.
Не ошибся счастливый охотник пришел,
очень точно направил смертельный заряд!
Подожел: «Ух, красавец!» — и поднял,
помешкав.
Крылья — в стороны сразу: «Не птица,
а царь!»
И, качнув головою, добавил с усмешкой:
«Но глухарь!
Удивительный просто глухарь!»

НА СЕНОКОСЕ

Ах, косила да косила —
под кустик косу бросила,
брусок под ветку ивову,
сама по тропке —
к милому!
Иду, жую травиночку,
на ту на луговиночку,
где мною на заметочку
взята рубаха в клеточку...
Иду —
кофтчонка белая
на мне — иду, несмелая,
в резиновых, прокосами,
в сапожках, мытых росами.
Навстречу мне
в два лучика
из-под льняного чубчика
поглядочка нестрогая:
— И то — пора залоговать...—
Костер у ног попыхивал,
дымилась речка тихая,
и чай заварен быстренько
смородиновым листиком.
И я запомню навеки,
как брал меня он за руки,
как целовал, забавушка...
Как пахла медом травушка,
что чуть привяла, скошена...
Как он шептал мне на ушко:
«Любимая, хорошая...»

У ПЕРЕВОЗА

Через речку быстрюю, через плес
я кричала вечером перевоз:
— Спишь ты, что ли, лодочник! Э-ге-гей!
Мне бы на ту сторону поскорей.
Там сейчас гуляние, праздник там...—
Но в ответ мне эхо лишь по кустам:
«Э-ге-гей!..»
Уж туфельки я сняла,
по колени в реченьку забрела,
и машу косыночкой, и кричу,
и боюсь, что платице замочу...
Вижу: вышел на берег великан,
два крюка — ручищи две — по бокам.
И ко мне от будочки, от ворот
через речку быстрюю прямо вброд,
в новеньком костюмчике, в башмаках!
— Стой, Маруся! Я тебя... на руках!
Поняла по выходке, по словам —
это мой залеточка, мой Иван!
— Ванечка-а! Ванюшечка-а!..
— Помолчи!
— Ты хоть, Ваня, часики не мочи!
Глянь, тебе уж речка-то по карман,
сокол мой, орелик мой, атаман!
Зря не снял ты, Ванечка, пиджачок...
Ну иди ж, иди ко мне, дурачок!
Я тебя и мокрого обниму! —
И тяну я рученьки встречь ему.
— Обнимай!
Зачем тебе перевоз! —
гаркнул, поднял на руки и понес.
А кругом — ну надо же! — ни души...
— Ванечка... родименький, не спеши! —
Пуще обнимаю я мил-друга.
Ну, хотя бы кто-нибудь с бережка
глянул, как на Ваниных на руках
я плыву — головушка в облаках!..

ПОСТОЯНСТВО

Ю. Бондареву

Славлю постоянство гордых елей,
Потому как ели не из тех,
У кого семь пятниц на неделе,
Кто взирает робко снизу вверх!
Рыжей бровью поведет лишь осень,
Как уже готовы все в лесу
Порыжеть и даже вовсе сбросить
С плеч своих зеленую красу.
Только ели —
не бывало сроду,
Чтобы перекарасились до пят, —
Несмотря на рыжую погоду,
Хоть руби, зеленые стоят.
Мало! Даже в белые метели,
Даже в холода, когда вода
Замерзает,
не сдают ели,
Не меняют цвета и тогда!
Вот они стоят — сам черт не страшен, —
Отряхают белое с боков,

Здорово похожие на наших
Очень зимостойких мужиков.
Засугробит все кругом — не дрогнут.
Лишь сгореть, как свечка на ветру,
Могут ели. Большого не могут.
Мне такой характер по нутру!

СЕРП И МОЛОТ

Ещё один заканчивался год
«Великой перестройки», и народ
Толпился с номерами на ладонях
В очередях, и в русском «белом доме»
Кипел законотворческий базар...
А в полночь, как о том вещали «Вести»,
Упали Серп и Молот
с Флагом вместе,
Упали прямо в грязь, на тротуар.
И Серп спросил у Молота: — Мой друг,
Так что, союзу нашему каюк?
— Выходит, так, — ответил гулко Молот. —
Союз Серпа и Молота расколот.
Мы сброшены и с флага, и с герба:
Ты — Серп мужицкий, я рабочий Молот...
— Так что же будет?
— Может, даже голод...
По-нашему, рабочему — труба!
Сам посуди: я плуга не скую —
И ты не вспашешь полосу свою
И, значит, горевую не засеешь...
Ведь было ж — помнишь? — было так в Расее,
Когда я хлеб прикладом «молотил»
(Не на гумне, а около амбара)
И хлестким — извини меня — ударом
Скулу тебе однажды своротил.
Не ты, не я теперь, а «средний слой» —
Опора власти...
— Нет, ты очень злой,
Мой друг, сегодня. С этим самым «слоем»
Не двое будет нас уже, а трое...
— Да как сказать... — не глядя на дружка,
Отвечил Молот голосом печальным.
— Ты в поле будешь, я у наковальни,
А «слой»... он будет вечно у мешка.
На корабле с названием «Капитал»
Он будет господин и капитан.
А мы с тобою... — Молот поугрюмел, —
Мы будем обитать с тобою в трюме,
Поскольку мы по-ихнему — «рабы»
По духу, по рождению, по крови...
— А если... — Серп сурово сдвинул брови.
— А-а! — Звякнул Молот. — Если б да кабы...

СТИХИ МОИ О ДЕРЕВНЕ

Стихи мои о деревне,
и радость моя, и боль!
Кто зову земли не внемлет,
едва ль вас возмёт с собой
в дорогу — развеять дрёму...
Глухому к земле, ему
стихи про Фому-Ерёму,
сермяжные, ни к чему.
Томов со стихами — груды.
А в тех, говорят, томах
что ни страница — чудо,
что ни куплет, то ах!
Новаторские, блестящие,
строка о строку звенят.
А вы, мои работящие,
в пыли с головы до пят.
Не очень-то вы нарядны
и — где уж там! — не модны.
Вы будничны, не парадны...
И всё-таки вы нужны,
я верю тому, кто в поле
упрямо растит зерно,
чьи с коих-то пор мозоли
в стихах поминать грешно...
Старо и неблагозвучно!
Да полноте, остряки!
А ваши-то белы ручки
не потому ль мягки,
что эти не в меру каменны —
не руки, а жернова!
В мозолях все, как в окалине...
Нужны ли ещё слова!
Добры, горячи по-русски
и грубы на первый взгляд,
корявые эти руки,
красивые эти руки
и впрямь чудеса творят!
Держите ж голову гордо,
стихи мои! Мы и впредь
о них, не жалея горла,
по-своему будем петь!